

18+

Альтернативный Университет

Из Коллекции Переводов

Максимилиана Гюбриса

**ДЖОН КЛЕЛАНД.
КЕЛЬТ-ДРУИДИСТСКАЯ
ЭТИМОЛОГИЯ.**

Том I.

Включая тематическое Эссе,
и оригинальные Комментарии
от Автора Перевода.

MMXVI.

Джон Клеланд

**Кельт-Друидистская
Этимология. Том I**

«Издательские решения»

Клеланд Д.

Кельт-Друидистская Этимология. Том I / Д. Клеланд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747304-4

Эта книга открывает собой цикл публикаций полного корпуса этимологических сочинений Дж. Клеланда 1766—1769 гг., посвящённых раскрытию корней Кельт-Европейской общей системы понятий. «Пробный образец этимологического словаря» (1768) — одно из главных произведений сего английского автора, яркого представителя либерального школярства 18 в. Первые 6 книг произведения, вошедшие в сей том, публикуются на русском впервые и удачно знаменуют собой Год Содружества Русского и Английского языков в России.

ISBN 978-5-44-747304-4

© Клеланд Д.
© Издательские решения

Содержание

Интродукция к Переводу	10
Заметка к Читателю	11
Джон Клеланд и Кельтологическая Вселенная	12
I. Историко-биографическая часть.	12
II. «Этимологический Словарь». Будущее Кельт-Русизма.	19
Этимологический Словарь Клеланда	35
Адвертисмент	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кельт-Друидистская Этимология Том I

Джон Клеланд

Переводчик М. Гюбрис

© Джон Клеланд, 2019

© М. Гюбрис, перевод, 2019

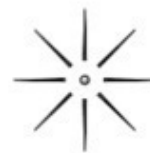
ISBN 978-5-4474-7304-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*С великим пренебрежением
К авторитету и мнению всех тех,
Кто отказывал в поощрении публикации этой Книги;
С превеликой благодарностью и уважением,
Моей Матери,
Кузьминой Галине Фёдоровне,
За редкое терпение, веру и поддержку.*

М. Гюбрис.

Интродукция к Переводу

Заметка к Читателю

Перевод публикуемого текста сочинений, впервые предлагаемых для Русской читающей аудитории, выполнен с оригинального образца Лондонского издания 1768 года, и вполне может быть отнесён к типу канонических копий, что подразумевает отсутствие возможных технических исправлений, при соответствующем сохранении орфографической и графической оригинальных структур текстового оформления: постраничная нумерация (в адвертизированном и частном оригинальных форматах), стиль выделения, пунктуация и пр. символизмы, как то, к примеру, нарочитые озаглавливания и акцентация, преизобильно имеющие место быть в оригинальном тексте автора, а, также, сам стиль Английской манеры письма, с непременно-озаглавленным, в том, атлантически-мужественным местоимением «Я» и не менее обязательной заглавной литерацией слов, в касательстве имён той или иной национальной принадлежности, или априорного смысла, нисколько не изменены и соблюдаются здесь в каноническом их соответствии. В соображении, однако, более выгодной компиляции отдельных мест громоздких сносок и замечаний из текста оригинального издания, автор перевода позволил себе совместить таковые, и ввёл их, за особым выделением (в фигурных скобках), в основной формат публикуемого материала. Работа с текстом, также, представилась быть заведомо креативным, и, в том, подчас неоднозначным процессом: признаюсь, что по ходу выполнения сего перевода, мне делалось весьма жаль сойти до сугубой толмаческой определённости, что полагало бы, в угоду только лишь пассивному читателю, полностью заменить используемые Английские слова на принятые, по сегодня, Русские их этимоны и этимонионы. Засим, все основные, выделенные Клеландом слова, по меньшей мере, в тысяче пятьсот радикалов сопричастные поставленной теме Прото-Античного Языка, мне посчиталось уместным оставить в исконной их литерации, а потому, зачастую, текст сопережён Английским и Русским рядом синонимического словоподбора (в квадратных скобках). Было бы нелепо думать, что проблема идеальной вокабулярности в Русско-Английских Словарях и их Толкованиях, в Историко-Филологическом отделе РАН, решена кафедрой Английского языка, этак сказать, всецело и стопроцентно гарантно; сугубая ж идентификация Кельт-Русских исконных радикал-корней, уверен, ещё только предстоит всей филологии Будущего, а потому мне мнится, не соделав эту книгу наиболее удобной для развлекательного или только познавательного чтения, автор перевода, в некоторой степени, заведомо сумел вовлечь инициативного читателя, т. ск., в общий процесс логостроения. В некоторых местах идентификации, здесь, только лишь подчеркивается то или иное разительное несходство между *сущим* и, на сегодня, только *общепринятым* Русским значением толкуемого Английского (так, в местах, и совр. Англ.) слова; в каких-то отдельных строках – подобная дилемма весьма озадачивает, за неимением наскоро подыскиваемого, Русского, тому радикал-соответствия. Но этакое, надеюсь, к последующим интересам искушённых умников.

Сноски, помещаемые под основным текстом, в добрую половину, являются продуктом собственных выводов и размышлений автора сего перевода, и, скорее, относятся к разряду собственных его комментариев, а потому отмечены за его именем, как те, что не выражают собой какое-либо формально-институционное мнение в мире науки, но способны иметь свой вес в ряду полемики по возникшему вопросу; другая же часть сносок, как это и должно быть, является предметом строгой и апробированной фактичности в ракурсе отмечаемого материала. В видах возможных интересов со стороны читательской аудитории, каких-либо замечаний или комментов на предмет книги, автор сего рад будет иметь признательный контакт со здоровой полемической средой.

Автор.

Джон Клеланд и Кельтологическая Вселенная

(Тематическое Эссе, 03-11-2015/18-02-2016).

I. Историко-биографическая часть.

Я весьма рад писать здесь о Клеланде. Ещё около десяти порядка лет назад, если и говорилось когда среди библиофилов об этом парадоксальном литераторе Британии, то разве-что в узком Англо-читающем кругу России, сугубо Западной; ныне же, пока единственная книга из переведённых на Русский, в некоторой популярности своей, является в своём роде венчающим символом всего того пути, ещё от 90-хх, кой, в первоначатиях антисоветской либеральной культуры и морали, соблазнительно назывался Русская Сексуальная Революция. Пробуждённые созревающие дети, однако, взрослеют весьма не сразу, и не иначе тогда, когда в них взрослеет, а лучше сказать, умнеет сам по себе язык – язык, в частности, иже эротический; возможно, как раз, поэтому та его, до сих пор, вселенски-занимательная «Фанни Хилл» – до недавнего, единственное из наследий Русскоязычного «клеландства», – не вошла в ряд первых революционных переводов либертэн-жанра, не стала достоянием первых тех книжных серий, этак, предоставив шанс обывателям, кто успел уже пресытиться избытком гротескно-нагроможденных фигур и разнузданных образов, эстетически оттолкнувшись прочувствованной стильностью, в сладострастных тактах, истинно-развитого языка сего автора.

Единицы, однако, знают на сегодня, что сия избыливающая художественно-лингвистическая роскошь раннего Клеланда есть тот в нём золотой задаток уникального таланта, кой, выведя его сперва в не рядовые новеллисты, контрастно выделив его, этак, среди прочих (Дефо, Хогарта, Ричардсона, кто, также, пытался касаться либертинаж-авантюрных тем), впоследствии сотворил в нём первого из лингвистов-этимологов своего времени, не побоюсь сказать, в масштабах Вселенски-Европейской культуры. Это, в-особенности, есть предмет сего эссе, как равно, и предмет публикации новой книги переведённого мной автора.

До сих пор, биография Клеланда, в ряду авторитетных источников, преподана весьма скудно, и содержит достаточно много пробелов, что, как и прежде, плодит в избылии число слухов и домыслов касательно его интригующей персоны. Как и с чего он, дескать, официально не доучился; увеселялся ли за своими ранне-литературными занятиями в Бомбее или уже в Британской тюрьме (Флит-Призонь), где оказался, по-молодости, за долги; так ли точно был одним из членов общества Содомитов, точно ли не был женат или же скрывал своё супружество в глубокой тайне; принадлежал ли к влиятельным масоническим кругам и, в том, не потому ли, как раз, и был обречён на пренебрежительное к себе, потом, отношение? – так ли вправду, чтобы жить, подчас, под маской инкогнито, а, когда, если и в женском платье, дескать, спасаясь от слежек и предательств; – это ли истинный Клеланд, а если – да, то не в причине ли того самого открытия, по его словам, рокового для всей Восточной части Евразийского Континента, кое и поныне, не известно, существует вправду или нет? – верно, что всё этакое, извечно, остаётся в предметах любопытств авантюрных критиков и историков. В одной из глав сего переведённого «Этимологического Словаря», Клеланд, в риторической манере, выражает весьма глубокую мысль о том, что истинным свидетелем Истории и Эволюции не может являться что-либо, помимо самого Языка, в нас существующего и проходящего вместе с нами все возраста и все эпохи. Это же можно отнести и к самому Клеланду и, т. ск., воздать ему истинный долг по его же лепте, ибо ничто иное, помимо его собственных произведений не свидетельствует в пользу фактора судьбоносности сей личности в её масштабах и в ипостасях, и если это касательно его серьёзных научных трудов, то – личности, прежде

всего, ума незаурядного, а в том, светски и литературно, превелико-эрудированного и просвещённого.

Старший сын семьи, высоко-уважаемой и светски-одарённой в изысканных знакомствах, юный Клеланд (род. 1709), по ходатайству своего отца Уильяма Клеланда (1673/4 – 1741) – друга всем известного поэта-литератора Александра Попа, в 1727 году поступает в престижную Вестминстерскую Школу при оном Аббатстве, честь и гордость класса первых литераторов Британии (У. Камдена, Б. Джонсона, Драйдена, и пр.), что, очевидно, располагает и провоцирует в нём начало всех тех литературных позывов, кои, вместе с ранне-складывающимся в нём настроением классика, предстают быть в свете исключительно-оригинальной революционности: и если мы говорим только о литературе, то революционности, в её контрадиктуме, не столь тяготеющей к *новому слову*, сколь к новому изображению всего того, что *за поверхностью слова*, ещё только *принятого* – слова и, соответственно сему, его смысла. Мир литераторов (и не одних лишь только беллетристов) той эпохи, при всей её известной либерал-ренессантности, олицетворялся, по большей части, типом «облачителей истин», каковыми, в подавляющем их числе, были, также, и те, кто решался и находил возможным писать на ново-изыскиваемые, прогрессивные темы, в которых «облачить» предмет в надлежащую форму было главной задачей; – Клеланд же, в сравнении им всем, начиная с первых и аж до последних своих шагов в занятиях, представал быть типом именно «обнажителя», как если бы чистого физиолога (как то в его собственном выражении об этимологах вообще¹), и это как для легкодоступных его вещей, так, равно, и для продуктов его высокоинтеллектуальных штудий. Недаром, должно быть, за сочинением уже «Пути от Слов к Вещам...» и сего «Этимологического Словаря», он решительно и целенаправленно устремляется к образам дотоль авторитетно-преподаваемых смыслов, находя в них не иначе, как базис всего ещё нераскрытого, нарочито как если бы не стесняясь, при этом, ни самого Камдена, первоглавы Школы Вестминстера, не забывая, также, смерить подчас и перво-гомеричность² Александра Попа, прямо сказать, не хилым намёком на относительность в нём языкознания, – должно быть, в чувстве некой сентиментальной отместки, будучи тогда уже непринятым и не поощряемым своей семьёй и её кругом, вовсе. Кажется, так, что его собственный бунтарский уход или же его изгнание из Вестминстерской Школы, – о чём архивы Шеффилда не содержат в себе прямого разъяснения, – в ранние годы автора, представилось быть, как раз-таки, начальным этапом на пути всего последующего семейного разобщения, протеста и противостояния.

Люси Клеланд, мать сего литератора, имела, также, круг весьма элитных высоко-влиятельных знакомств, среди которых были и лорд Стэнхоуп (1694—1773), «человек изящных манер», некогда Первый Камергер поверенный Короля, известнейший парламентарист, инициатор Григорианского Календаря, и первый патрон литературы в Британии; среди них, позже, был и небезызвестный зачинатель Английской готической новеллы, граф Горацио Уолполл (1717—1797), сын первого Королевского премьер-министра, влиятельный пэр, и, при всей его свободе нравов и авантюристности характера, всё же, человек, в предпочтении прагматичному научному знанию, оставляющий за «эклезиастически-религиозным» смыслом некую привилегию. Оное всё, к годам, в особенности, 50-м – 70-м, контрастно весьма расходилось с позицией Клеланда, кой, с приходящей к нему литературной зрелостью, и на то время обладавший уже никак не девственным жизненным опытом, в справлении с привязанной к нему, безбудущной репутацией имморалиста, делал ставку всё более на основательное знание в изучении «человека и его корня», и, отнюдь, не в угоду каким бы то ни было, пусть даже и прибыльно-обе-

¹ «...С этимологами дело обстоит также, как с физиологами, кого нельзя вполне назвать состоявшимися и дельными, пока не возрастут они до знания всея погрешимости и неуверенности в их собственном искусстве.» Дж. Клеланд, «Этимол. Словарь», *Адвертисмент* (посл. абзац).

² Александр Поп (21 мая 1688 – 30 мая 1744), великий Английский поэт; как известно, первый переводчик Гомера на Английский.

щающим, лестным, подчас, предрассудкам и укоризненным понятиям. Учёная сатира над религиозными заблуждениями; научно-представленная дискредитация будь что первоглавнейших столпов существующей веры; анти-церковничество; материалистический либерализм на уровне высоко-школярского а-иерархического нигилизма, – всё, что представало быть в свете его литературно-этимологических достижений, вряд ли могло особенно льстить знаниям, авторитету и позиции известных друзей его семьи. Мы знаем, к примеру, о некоем интересе Стэнхоупа словарным трудом Д-ра С. Джонсона, ровесника Клеланда (опубл. в 1755), и, увы, мы не находим у него какого-либо достойного интереса к открытиям Клеланда, ставящего под сомнение и лексическую дикционарность, и Календарь (и даже не то, чтобы Григорианский, за актом 1750 г. по Стэнхоупу, но и сам Юлианский по Цезарю), и даже сам ход Истории. Должно быть, этакая авантюризм, вкупе с весьма неожиданными пассажирами в адрес парламентарной и судейской систем, в том и в другом случае, могла либо настораживать, либо провоцировать на некое сальерическое чувство в авторитетах, либо... таки побуждать к мысли о протекции того рода, на какую автор, по невозможности компромисса, никогда бы не согласился. Возможно, если бы к моменту издания его первых этимологических набросков, оставался бы в живых тот «вольтерьянец», в сравнении кому самого Вольтера проще назвать «булинброкцем», – да-да, Я имею в виду, как раз, премного известного, и не менее искушённого обществом и его спазмами, виконта Сент-Джона Булинброка (1678—1751), достаточно близкого, опять-таки, друга семьи Клеландов, политика и философа, ближайшего друга Дж. Свифта, чей ранне-бунтарский пример мог бы даже в чём-то располагать юного Клеланда, к разным сравнениям и поступкам, – возможно, определённая доля интереса к сим этимологическим трудам и к ново-открываемым идеям автора нашлась бы тогда в свете более серьёзного их восприятия. Впрочем, быть может, и нет. «Пятно» апробированного порнографиста в его литературной биографии отнимало у него шансы быть воспринятым на уровне истинного ума; – таковы были отзывы даже тех учёных-лингвистов, сколький-то круг коих неизбежно раскрывался самим талантом автора, его знанием, а не пересудами по его персоне {к прим., «...любопытные тракты о Кельтском языке... но та слишком бесславная вещь, чтобы упомянуть даже; рушащая его репутацию, как автора;... ко всему почтению, весьма и весьма нездоровому, для высоты его приоритетов.» Джон Никколс (1745—1826)}. К тому же, сама идеологическая ориентация в отношении фундаментального, *парадигмического* Друидизма, а также все, с тем, предосуждения, касательно пагубного «деизма» Клеланда, в отдельно-взятой Британии, никогда бы не были восприняты людьми высших иерархий, сколько-то без ядовитого зерна соперничества, или прямого, в иной среде, антагонизма, чему с лихвой шла в пользу, опять-таки, деморализация сего интеллекта. Забавно думать, что немало современных лингвистов-этимологов, касающихся Клеланда, всё как и прежде, как и некогда ранее, воспринимают истоки его этимологии в свете, почему-то заведомо brutальном, не находясь, да и не больно-то, видно, желая, отойти от завещанной эротической первоусловности в литературном наследии автора: а именно, по типу разделения смысла «перво-забав» во фрейдистски-изображаемом обществе: – то самое «Фанни» [т.е. «забавное»], извечно, ведь, контраверсирует Старый Свет в глазах Нового, контраверсирует, подчас, до уровня фундаментального расхождения по взгляду на перво-английские, исконно-англиканские духовные принципы натурально-сексуализированной добропорядочности, – что было не всегда столь «забавно» для Шейкспира, что вышло быть, однажды, весьма «презабавно» для Лорда Байрона; что, также, в вопросах «забавнейших» иерархически-кастовых разделений; что, также, неким образом намекает на причину «всезабавного», или «нисколько уж не забавного вовсе», сходства между словом «toil» [«труд»; хотя на Русском, в сим контексте – это, скорее «работа»] и словом «toilet» [туалет], – ибо, ведь, тогда, как в Старой доброй Англии слово «фанни» означало «вульва», в Америке, преимущественно составленной из малоудачных или отверженных Англо-переселенцев далеко не высшего класса и сорта, этим называлось всё заднее, так и задний «фанни-покот» [забав-

ный карман] в тех же, потом, рабочих джинсах. – Всё это такое весьма любопытно: как психологический взгляд на предоснову родового слово- и смысло-образования, вообще, по типу прогрессивной примитивизации т. ск. «нео-дарвинической» прото-эдемовой картины всеобщего мироустройства, – как то, к прим. у проф. Каролайн Д. Уильямс («*Путь от Слов к Вещам: Джон Клеланд, Имя Отца и Спекулятивная Этимология*», 1998); однако, ко всему подобному, легко заметить, что вознамеченная, нарочито-директирующая «примитивизация» общественной картины и суть *Ретривации примитивного Языка* (что у Клеланда) есть дела, одно другому, не весьма сходные; и от себя Я могу сказать, пожалуй, такое, что к той модели миростояния (примитивной, но не животнo-дегенеративной), какую нам демонстрирует Клеланд, и какую мы заведомо должны воспринимать в свойствах и степенях её великого многообразия, в гармоничном согласии *перво-силлабическому* Закону Земли, Закону Стихий, Закону Смен и Времён и, да, с тем, и Закону Естеств, намеренная же попытка узреть в том перво-эротическую *способность к социальному слогу* относилась бы нас на уровень не иначе, как самый низкий, самый бастардно-незрелый в постижении истин Друидовой Школы и её Системы (в полном смысле сл. «Bastard» по Клеланду, как «*Base-terred*», или «положенный на землю», см. «Э. Сл.», Магдалена, стр. 18/3). – При жизни Клеланда, однако, все подобные сексуальные а-ретривистские «примитивизации» опыта, скорее, служили отчуждению, нежели какому-либо смыслу заманчивой авантюризации намеченных идей; так, литератор всё более отдалялся от семьи и от целого ряда будущих протекций. Как известно, Клеланд впоследствии, публично отрёкся от собственной матери, по его словам, нисколько не помогавшей, но даже извечно вредящей ему в его предприятиях.

Друидизм, как обособленное культурное, а, подчас, культовое, направление (как то, что могло бы быть сравнимо архирусизму в России) поначалу был не весьма одобрительно встречаем в Британии. Идеи ранних нео-Друидов сколько-то соотносились с идеей общего масонического движения, кое знаменательно вылилось потом в создание Великой Гранд Ложи Англии в 1717 г; отдельного же созыва Великая Ложа Друидов, в первоначальном образе Античного Ордена Друидов, появилась не ранее, чем уже к концу столетия (1781 г.). «Архи-Друид Англии», как называли современники преподобного Уильяма Стюкли, близкого друга Ньютона, и масона раннего периода, – к авторитету коего неоднократно обращается, в своих рассуждениях и выводах, Джон Клеланд, – впервые, основательно исследовав редчайшие развалины Стоунхенджа, проложил главную тропу к новому, уже серьёзному взгляду на «теорию Друидизма»; известно, однако, этакие неусыпные усилия в организации как экспедиций, так и первых школ-кружков, привели его, в наиболее радикалистский период жизни, практически, к банкротству и к всеобщему, было что, пренебрежению; – этак, до тех пор, пока он не вступил в лоно Церкви и не принял сан, с тем, очевидно, оставив кое-что в масонстве, поступившись иными из приоритетов, однако, сумев изыскать, при этом, какую-никакую всё же возможность к продолжению пристойной жизни и занятий. Не правда ли, подобные обстоятельства вынужденно-усугубляющегося анахоретства весьма и весьма, также, отличали жизнь Клеланда, кто столь решительно тогда взялся за Друидизм и, в отличии от премного повлиявшего на него Стюкли, в степени аж и большей, снискал по себе всея неблагоклонность фортуны. – Очевидно, что сам стиль изложения его историко-филологических трудов определённо располагает к масонству, и оный изложенный Друидизм заведомо проявляет себя не иначе, как в свете масонических воззрений, откуда и особая апелляция к иным гранд-авторитетам, признанным в том свете, так, к прим., Лейбница и др.; – правда, то, что Джон Клеланд непременно сам принадлежал к масоническим кругам, т.е. не только имел некие очевидные контакты с отдельными членами и друзьями лож, (как то к прим. с маркизом Рокингэмом, первым Премьер-министром Британии, в видах практических интересов; или же с Дэйвидом Гарриком, своим другом, пер-

вым «шейкспирианцем» Англии, фримасоном³), но состоял, по меньшей мере, в числе вхожих в оный круг, – alas, мы не можем это сказать однозначно, за неимением достаточных фактов.

Обстоятельства к выделению Кельтского языка среди прочих, по предпочтению его Европейской перво-исконности, были на то время уже весьма благоприятны, и это пользовалось растущим интересом, естественно, и в масонах, и в свободомыслящих интеллектуалах; строгое ж, однако, масоническое знание предполагало преимущественный скепсис в отношении, т.н., псевдо-историцизма, то есть наследие историзированного знания, в принципе, не рассматривалось иначе, нежели как в свете завещанных, Соломонических наследий; – велико-радикальный ажиотаж, уже в 19 веке, сложившийся вокруг идеи Друидского корня в основе всего Фримасонства, был ещё сравнительно-робок во время Клеланда, а иные из касательств по поводу масонства непременно выражали в себе недовольства и несогласия с целым рядом «друидо-масонических» этимологических спекуляций, как то, к примеру, у поэта-бардиста Йоло Морганвга (Iolo Morganwg), кого возмущала и одна только мысль о том, что «слово „фримасонство“, этимологически, заведомо связуется с корнем Кельтского „mau-pole“ [„майское-древо“, или же таковой „шест“, или же, на сегодня, скажем, „ось“], о чём, дескать, свидетельствует автор „Фанни Хилл“, повсюду оттоль утверждающий Друидистское начало» (Д-р Андрию Прескотт «Масонские Письма»). Естественно, что всякий из скептицизирующих откровения «слов и вещей» Джона Клеланда завсегда использовал против него аспект аморализующей критики. В то же время, в ряду культурных со-влияний, среди авторов сколько-то причастных масоническому движению, как то взять даже знаменитого того же Гаррика с его «Майский День, или Цыганёнок» (1775), – не говоря о ком-либо, сродни Томасу Пайну, Карлайлу и др., – можно заметить, по меньшей мере, некую сравнительную акцентацию в обращении к Друидистскому смыслу, изображаемому в свете того или иного суб-аллегорического намёка или символического ракурса. И это, конечно же, не касаясь всех тех ещё столпов строго-интеллектуальной Друидистской литературы, каковая делалась в ряду Всемирного Друидистского наследия, будь то Уильям Престон («Иллюстрации/Описания масонства», 1775) или кто-либо др. Всё же оное и последующее было следствием, на мой взгляд, именно того этимологического всплеска 60-хх, кой был, во-многом, пробуждён рядом не иначе, как научно-исследовательских публикаций, сошедших в сознания широкого литературного, так и масонического, общества; и это, не иначе, к тому, чтобы сказать, что усилия и амбиции Клеланда, по меньшей мере, имели своё примечательное, в оных кругах, влияние.

Идея поднятия авторитета исконне Британских истоков, ближе к концу уже 18 в., всё более делалась предметом интереса Королевского Двора; уже в пра-викторианскую эпоху а, тем более, позже, интеллектуальная экспансия Кельтизма всецело олицетворяла собой рост великого могущества и влияния Англии в целом мире; так, проспекты и разработки новой теории мировых начал, в новом взгляде на Кельт-Друидизм, вполне подлежали практикам поощрения идеи национальной гордости и патриотизма. – В архивах Шеффилда, из Коллекции частных Документов Уэнтворта, WWM (В арх. каталоге: – SCC: LAI: WWM/R1/1144; и, соответственно, .../R1/1679; и, .../R1/1797. – Ричард Терри & Элен Уильямс «Джон Клеланд и Маркиз Рокингэм: Два новых письма», 2014) имеются, по меньшей мере, три известных нам письма, проливающих свет на патронажные отношения между Рокингэмом и Клеландом, и, безусловно, примечательно то, что первое из этих писем датируется предположительно 1768 годом, – т.е. весьма близко, или даже предстоя, оттоль, времени самой публикации Клеландских этимологий в журнале у Бриганта, – о чём первобиограф Клеланда, У. Эпштейн («Джон Клеланд: Сцены Жизни», 1974), никак не упоминает. Вряд ли, в том, весьма

³ Дэвид Гаррик (19 февр. 1717 – 20 янв. 1779) – Англ. актёр, драматург, главный театрал-продюсер 18 в.; друг и ученик С. Джонсона. Основоположник идеи Шейкспировских Юбилеев в Статфорде-на-Авоне (1769); строитель Храма Шейкспира в Хамптоне (1754). – О его масонстве, в частности: – А. Прескотт «Масонские Письма», Йоло Морганвг и Фримасонство.

уместно предположить, что Клеланд, по его собственному признанию, *долгое время занимавшийся подобным словничеством*, мог, этак, заведомо, трудиться на заказ; правда, нельзя ж таки и не припомнить его краткое замечание из Адвертисмента к «Этимологическому Словарю» по поводу неких настоятельных предложений и некоей «нотки супрессии». К сему, по взгляду на оные письма, – первое из которых сообщает о вполне натурально, пусть несколько и надменно подчас, разделяемом смысле и чувстве автора в отношении задач популяризации искомой идеи, а последнее (от 3 дек. 1778) – своего рода, намёк на ожидаемые результаты от этакого его «придворства» маркизу, – мы не можем, также, не отметить его собственные признания, как те, что он сделал, к прим., в беседе с Джосиа Беквитом уже в 1781г, за неск. лет до смерти, прямо жалуясь на протекционизм вышестоящих и министерскую оппрессию. – Из предстоящих сему, ранних откликов на его лингво-этимологические наброски, можно найти некоторые из особо метких таковых, в ранней периодике: так, к примеру, на его публикацию «Оставшееся от Япета», в «Критическом Ревью» (22 авг. 1766, стр. 135—136) признавалось в словах автора такое, что, действительно, *«нет ничего яснее, чем то исходное радикально-корневое сходство между разными языками, чего и, соответственно, коих не существует ныне не только в Европе, но и в Азии»*, кое, однако, всё спосылало оно к решению ряда вопросов *«сомнительного, не решённого, произвольного состояния, в котором его (авторское) представление этаким образом преподносится.»* Ко всей корректнейшей академичности отклика, делаемая нотка на подход к тематическому оформлению и преподанию материала, в той или иной, дескать, актуальной канве, как раз, и раскрывает суть всех тех историко-политических акцентов, что предстают быть, в своём роде, «гольфстримом» вскоре уж объёмно-изъясняемой этакой этимологии.

К делам Рокингэма, здесь, крупного патрона в Уиг-партии, нельзя не отметить его 16-ти-летнюю демократ-оппозицию, по оставлению им первого Премьер-поста в 1766 при дворе Георга III; – к масон-философизмам Бёрка (друг и личный секретарь Рокингэма, гранд-фримасон), идеи сего прогрессивного Британского конституционализма вполне бы могли, этак, «благо-располагать» некие из моментов выраженного настроения у Клеланда; неожиданным, однако, делается тот самый упомянутый автором, смущающий вопрос «национальной гордости» (см. Адвертисмент к «Этимологическому Словарю»), каковой где-то чрез 10 лет, в данном касательстве, всё более вырастает на грани жарко-дебатыруемой войны – войны, скажем, «забавно-грозящей» быть между Старым и Новым Светом Англии. Если, в случае Кельтоманического фримасонства, здесь, этакое было бы к дилемме обладания термом наследия, то в случае патриотического античного Друдизма – это, скорее, к дилемме обладания завещанным пространством. – Из архивов, письмо второе к Рокингэму (30 авг. 1776 г.), написанное, как раз, в период оных империяльных контрадикций, содержит в себе наиболее неразгаданную тайну учёного-этимолога Клеланда: – то его, и по сей день, ни чем не подтверждаемое заявление об *«открытии, способном поразить всю литературную Европу»*, кое *«о тех колоссальных трудах в Восточных Индиях..., проделанных Китайцами»* (касающееся, конечно же, дальнейшего продвижения Кельтийских и Вселенски-языковых перспектив). Здесь, обращаясь, соответственно, к известным письмам Рокингэма, как про-либерал-колониста, к тому же, взять, Огюстусу Кеппелю⁴ (3 ноябр. 1779) об угрозе (Американской) войны для конституциональной Британии: – «где, вероятно, тотальная (от того) смена *людей, масштабных понятий и системы* в Правительстве может повлиять на аппараты представительств *некоторых иностранных стран...*, способных прийти, этак, к мысли бороться уже не с придворной Судейской системой, но с общественной, всей нации в целом, и всеми силами, в их возросшей борьбе», –

⁴ Augustus Keppel (25 apr. 1725 – 2 okt. 1786), 1й Викоит Кеппеля, член парламента, адмирал Королевского Брит. Флота во время 7-летней Войны и Американской Войны за Независимость; член Уиг-партии; служил под главенством Чарльза Уотсон-Вейтворта, 2-го маркиза Рокингэма.

не можем ли мы предположить, в том, какой-либо подспудной связи, в касательстве упомянутых, в нашем контексте, как раз таки, Ист-Индских стран? (Ист-Индских, а не то аж и Кельт-Индо-Скифских, коль скоро этимолог, в его не найденном сим труде, прочил убедительно раскрыть Кельт-Друидистскую языковую суть в языках Моголов и Азийских Ханов; с тем, также, и Русов, – кое, иже наскоро он делает в «Этимолог. Словаре», – что вышло бы к особенному, также, прожекту в свете той мировой ситуации, когда Американская война, естественно, могла бы больше влиять не только на опасные Англо-Французские, но и на Англо-Русские отношения, в канве всего того, что становилось растущей контрадикцией Великобритании с Нейтралистским Альянсом колониальных Держав.⁵)

Как то можно видеть, раз затронутый вопрос «национальной гордости», в том или ином ракурсе, в перипетиях влиятельных настроений и взглядов, мог представлять в самом неоднозначном свете; иже, вряд ли мы можем с какой-либо чёткой уверенностью сказать *в чём, именно, и с какой, именно, точки зрения* проявлял себя тот негативный аспект «министерской оппрессии», (этакое, своего рода, «Каиново проклятие» в судьбе Клеланда), о чём, кстати или впрочем, он сообщает в признании, этак, за год до Рокингэмова второго Премьер-поста, за год до парламентской инициации Британского неучастия в Американской войне за Независимость. – Сия разноречивость, неоднозначность в помышленно-применительном толковании «*теории, будет сказано, вселенской важности корней*»: – по всей видимости, это представало быть где-то, как раз, на самой грани между Вселенской масонской амбицией и оправдывающим себя парламентаризмом, между Империял-доктринизмом (коронованных) свобод и Друидо-правием. – Беквит, относя Клеланду не весьма большое почитание монархии, при его громком восхвалении демократического Друидизма, положил, что «нисколько то не Удивительно, что, в сию Эпоху, тот теряет своё Место, иль Пенсию, – или чтоб подвергаться, тогда уж, ему Цензуре за Содомию, как это и происходит, ... – а отголь и все те Характерные Персоны, не желающие бывать у него, и не имеющие радости с ним долее знаясь.»⁶ ... Грязь политики (есть такое выражение) – она есть ли, разве, многим иное, чем та же всё «забавно-упрIMITивизированная» этимология? В ряду иных спекулятивных, и совсем уж там наизабавных, ультра-модных фрейдических взглядов и версий, пожалуй, нельзя не согласиться с единственно лишь объективным смыслом таким, что литература, наука, политика и секс шли весьма и весьма рядом в жизни Клеланда; – вероятно, что ни чуть не меньшего протагонистического смысла биограф-историк только лишь и будет способен рискнуть обратить на себя всю сторону содомического света и проклятия, в иллюстрации скрытых «этимологических слабостей» того или иного, из ранга упомянутых Беквитом, «Характерных Персон».

С 1782 года (год второго Премьер-поста Рокингэма), не получив никакой пенсии, Джон Клеланд жил на маленькой улочке Петти-Франс в Вестминстере Сити-Лондона, в скромности, в безбрачии и, практически, в полном одиночестве. С ним жила единственная лишь, ценимая им премного, старушка-служанка – «женщина, весьма древняя и уродливая», как то заметил литератор Джэймс Бозвелл⁷, его старый друг, в отличии от Клеланда, чрез ряд масонских знаков (Монбоддо, Бёрк и др.), не прочаший обществу более великого демократизма, чем то в поэтически-предложенной законо-защите Рабства. – Бывал ли, когда, «ретрив-мастер» (или, сказать, мастер-реставратор) Кельтской словесности в «Олд Кингз Армз» Таверне на Поланд-

⁵ Т. н. Первая Лига Вооружённого Нейтралитета, 1779—1783 гг., сложившаяся по инициативе имп. Екатерины II, и в состав коей входили Россия, Скандинавия, Пруссия, Австрия, Португалия, Королевство Обеих Сицилий, – позже, формально, и др. страны; Великобритания – единственная страна, не признавшая нейтралитет.

⁶ Обо всём этаком – см. Генри Меритт «Биографическая заметка о Джоне Клеланде», журн. *Notes & Queries* (Заметки и Вопросы), авг. 1981, стр. 306.

⁷ Джэймс Бозвелл (29 окт. 1740 – 19 мая 1795), Шотландский биограф, мемуарист и репортёр. Наиболее известен сочинёнными биографиями знаменитых современников, и, в особенности – С. Джонсона, каковую совр. критики называют величайшей из биографий, написанных на Английском. – С 1787/88 г. становится в ряд консерваторов: к 1791 г. им сочиняется поэма «Ни какой отмены Рабства, или Вселенская Империя Любви».

стрит в Сохо, на церемониальных собраниях Античного Ордена Друидов? – (см. Emrys Jones on London Welsh; – Андрю Прескотт «Масонские Письма», Йоло Морганвг и Фримасонство) – видал ли когда живую их процессию? знал ли сам, ещё при жизни того, легендарного Генри Хёрля (Henry (?) Hurlle, ум. 1795г) с Чесночного Холма, основателя Ордена (Garlick Hill, City of London), и его прямого соратника и последователя, Ричарда Эллиота? – (...Из Журнала для Членов Общества, 1833; из *Gentleman's Magazine*, 1839, о смерти Р. Эллиота; – А. Прескотт, «М.П.», Л.М. и Фримасонство); – оние все этикие авантюрные предположения, возможно, навсегда останутся столь же пресловуто-каверзными, как и те, что о радикально-политическом круге Содомитского Общества; иже, уверен, кому-то завсегда пристанет выпачкать свой нос в дни, этак, и наши, в неких, дескать, неопровержимо-порочных, с тем, выводах о чьей-либо безусловной выгоде или чрезвычайной доукке. – Друидистские Ложи (в отличии от только Фримасонских, разрешённых к официальной деятельности за Актом от 1799 года о Незаконных Обществах в Британии) оставались надолго иллегальными, при росте их числа, премногой популярности и вменённой национальной прерогативе; – предосудительный фанни-эротизм Дж. Клеланда, при всей его гетеро-соблазнительности, обличаемый как «гомозротический продукт порнографического смысла», (за что, аж и в одном намёке на то, в году 1749, Клеланд сам прервал дружбу с Т. Канноном, автором первого в Англии про-гомосексуального памфлета «Античная и современная педерастия в исследованиях и примерах»), оставался под прессом цензуры в Британии, так, и до 1970 г. – Кельт-Друидистские историко-лингвистические ретривации автора, аж и поныне, в общем ракурсе современных учёных взглядов, сохраняют за собой псевдо-научный статус.

В позднейшее время, – продолжая, этак, и Кельтийскую линию, – он сочиняет два этимологических труда в свете медицинской синкретики: от множества предосуждений и обид, ему было, разве что, глубже погружаться в мир изучения Человека – отдельного, отголь, Человека, – *Человека уже не Интриги или Амбиции, и не Идеи или Приверженности* (Принадлежности), но *Человека уже Свое-природности и Свое-мутабельности, Человека Матери и Разумения*. Вполне можно думать, что этот автор, при всей его тематической, казалось бы, разноплановости, именно, никогда, в действительности, не сходил с раз выбранного им пути: как то и в юности, он, также всё, оставался истинным «обнажителем» слов и вещей, и, можно бы сказать, ещё «дел и нервов»; впрочем, этак он и сам отозвался о собственной персоне, сказав раз Бозвеллу, что «он знает о нервах, больше чем какой бы то ни было доктор в Европе». Воистину, этимологичнейшее заверение в помыслимой истории тайных дел.

Джон Клеланд умер за полгода до своего 80-летия, 23 января 1789 года. – Ирония судьбы: раз взалкав к свободному Праву, порвав с формально-академическим образованием Вестминстера и с семьёй, его дни завершились в Подворье того же Вестминстера, в доме, совсем рядом к дому его детства. Ныне, на той улице, располагаются дома Министерства Юстиции Великобритании, один из которых, кажется, и есть дом Джона Клеланда.

Ю3.12.2015, дача/

II. «Этимологический Словарь». Будущее Кельт-Русизма.

В сим Первом Томе полного Русского собрания этимологических сочинений Клеланда помещены первые шесть книг из его «Пробного Образца Этимологического Словаря», 1768 г., кой есть специфического ракурса квентиссенциализация вещей из его, предстоящего сему, несколько спонтанного памфлета «Путь от Слов к Вещам и от Вещей к Словам». Этакый ракурс, в отличии от только премонитивного, что по взгляду на пра-исток интеллектуального миропознания, представляет собой уже суть прото-социологической Школы и Системы *древнего Друидизма*, – кое, сказанное здесь этак, может звучать в ряду каламбуров, как некое, в корне, «древ-ес-ное Древо» (ибо и «древ-ность» и «друи», «tree» – от того же «Древа»),

но в чём-то может представляться, этак, оправданно-символичным, именно в законе первоисточников, наследий и ретривируемых приемств. ... Да-да, кажется, говоря так, Я подражаю, в том, манере Клеланда; мне, однако, весьма радостно лишь подчеркнуть такое, что, ныне, сей преподанный материал, в стиле метких сравнений и утождествлений, есть прямое достояние Русско-Кельтской школярской литературы.

Чрез два года, Вселенский мир Кельтизма будет отмечать 250-летие публикации сего парадоксального труда, так и до сих пор, представляющегося быть не многим менее занимательным и, с тем, не теряющего своей оригинальной привлекательности и элемента учёной диспутарности. На сегодня, в научно-академических кругах Европы, этакие наработки Клеланда в практиках истории языкознания и теории Вселенски-примитивного Языка принято относить в область псевдо-науки, поскольку ряд выводов, делаемых автором, был взят, дескать, буквально, из воздуха, по чисто оральному сходству в формах речевой мутабельности, и что, очевидно, далеко не всегда соответствует только математически-принятой системе слогостроения в фундаментальной лингвистике. К сему, однако, следует заметить, что определённый процент решений, предложенных Клеландом, при всей их т.н. не-академичности, способны до сих пор ставить под сомнение иные из высоко-апробированных суждений, каковые, в свою очередь, взятые не в одном лишь ракурсе рассмотрения, по всецелому взгляду на вещи, завсегда и поныне, *не являются* всеобще-объяснительными конструкциями *Мирсогласия*, этак, отмечая за собой тот или иной предел универсализации логоса. И, также, если в сходственном сравнении велико-лингвистическому проекту реставрации плана Вселенской Вавилонской Башни, большинство, этак, и сегодняшних теорий представляет собой не иначе, как вертикальный срез одной из сторон, – одной из четырёх прото-Кельтских, или одной из шести Индо-Европейских, – то теория Клеланда есть, пожалуй, срез сечения близ самому основанию, каковое, в особой фундаментации Завещанного Канонического Круга, по-сути, должно вписывать в себя и то, и другое. По мне, так больше, всё же, подходит именовать сие *не псевдо-наукой*, но, скорее, *альтер-наукой*, если не только альтер-методикой в научном подходе, поскольку, не премину подчеркнуть, использование Клеландом античного и современного лингво-исторического материала, во-многом и целом, весьма скрупулезно и корректно.

Этак, аж и беглый фокус, по взгляду на суть сиих противоречивых разниц, вряд ли, и на сегодня, оставит рассудительного читателя в безучастливом покое: ныне, как, впрочем, и со времён, ещё предстоявших исследовательской затее Клеланда, в вопросах о том, *какое* «вначале Слово было первым», едва ли кто не согласится с той истиной, что «люди, прежде, стали *говорить*, а уж потом *писать*», как это авторитетно отметил, допустим, тот же Джон Уилкинс (1614—1684)⁸; и если этимология – это изучение интертекста вмещающих в себя, одно другому в ряду предстоящих, имён (каковое всё в наследии, в соответствии и в развитии теории тех же монад Лейбница) – как это, на сегодня, совершенно и повсеместно принято и неоспоримо в науке, – то, вот, вдруг сама собой возрастает дилемма, если можно так выразиться, «бесспорного спора»: – что есть т. ск. «перво-бытийное деяние» («*Первым было дело*», – помните у Гёте?), или перво-именующее действие? – а, иначе, к чему вначале относился акт перво-именования – *к принятию существующей (осознаваемой) тайны* или же *к провозглашению и утверждению раз постигнутого и принятого?* Сие, несомненно, из ряда вопросов, предстоящих какой-либо конструкционистике, и является, по-сути, ***Первым вопросом Этимологии***, что не иначе, как одного масштаба и значения, соответственно, с ***Первым вопросом***, также, и ***Философии***, и ***Социологии*** (об этаким позднее); засим, аж и чрез 250 лет множествен-

⁸ John Wilkins (14 February 1614 – 19 November 1672), Английский клерик, Епископ Честера, натур-философ и литератор; один из основателей Королевского Общества; один из немногих, кто одновременно школярствовал и преподавал в обоих Университетах Оксфорда и Кэмбриджа. – Здесь, цитата взята из «An Essay Towards a Real Character, and a Philosophical Language», London: Gellibrand and Martyn, 1668, p.385., – сочинение, в котором автор впервые существенно ставит проблему унифицированного языка.

ных апробаций и ре-апробаций принятых этимологических смыслов, Джон Клеланд продолжает смущать авторитеты своим подходом к решению задачи сего вещественно-смыслового архи-первенства: актуально ставя, к примеру, вопрос о том, что более способно превалировать в эпонимике природного края реки – само её (неизвестно-откуда-взявшееся, предположенное) название, в истоках всем прочим факт. названиям, или же, в свою очередь, предположенная эсхатология жизнеобитания, жизнеустройства, полагающая название всему пр.? – в том, он, и по сей день, этак, контраверсирует те высоко-академические мнения о сути того же, взять, слова «Кэмбридж» (в ориг. тексте «Э.С.», стр.85/71), как те, что официально приняты самим Университетом Кэмбриджа, и помещены в строго-апробированном Кэмбриджском Этимологическом Словаре и на сайте, 2015: – дала ли река Кам (до сих пор, не абсолютно ясного корневого смысла) название сему месту, а потом некоему Правилу, как Принципу, ставшему достоянием общей Школы, ко всему тому, чем этакая Школа, в свою очередь, потом стала, или же чем перестала быть? или ж, таки, была прежде некая Архи-Школа, как ценностная Система понятий и мер, в правилах коей река возымела своё законоположенное название, а, с тем, и всё, этакому соотнесённое? – Сие, верно, наподобие всего того, что ныне у нас, о Волге – о Волге Русов: – что такое «Волга», что есть сие имя «Ра», и нужно ли, вообще, соотносить весь воследующий, оттоль, этимологический смысл Имени, не в некоей архи-Системе, но от какого-либо предположимого божества, природы всегда неоднозначной и таинственной для постижения *только человеческого смысла*, а не то и всего того, что приходит, дескать, из страны не раскидистых лесов и поэтичнейших кущей (соотносимое будь то далёкому Египту, будь то Индостану)?... Клеланд, однако, во всех подобных (а таковых далеко не единственное число!) дилеммах, предпочтительно относит знание, именно, второму «радикально-человеческому» – материалистическому, не идеалистическому варианту в изыскиваемых решениях.

Публикуемый здесь «Пробный Образец Этимологического Словаря, &c.» представляет собой раскрытый эссеистический материал, собранный из целого ряда отдельных глав, каждая из которых является, в своём роде, законченным изъяснением пути увеществления того или иного избранного фундаментального понятия, закреплённого в общей ныне-существующей Христианской Системе социального и духовно-мирского Устройства в законе сложившихся Иерархий. В целом же, сей материал представлен тем образом, где и лингво-филологические изыскания автора, и, следует признать, весьма недурные историко-повествовательные или даже историко-критические, его литературные пассажи вполне гармонично друг с другом согласуются и компанируются в свете изображения всеобщего хода, скажем так, гипотетически-объективной Кельтской и, соответственно, Кельт-Эллинистической Истории Цивилизации; – да, здесь говорится «гипотетически-объективной» равно настолько, насколько мы вправе разве что предполагать лишь о тех фундаментах общественного строя, о которых, фактически, мы мало что знаем. Таки, при всей внешней сумбурной произвольности предлагаемых к рассмотрению топиков глав, за сим скрывается весьма чёткая, слаженная композиция воспроизведения последовательно-эсхатологического перехода общества Друидистского обычая и устоя, к обществу Цезарского (милитарного) Правления, а с тем, уже к Епископально-Баронскому Государству ранних и последующих веков Христианской Европы. Тем самым, демонстрируется и объясняется предначертанный путь **диалектического** (ко слову «диалект», см. Сн.1, стр. 89 от пер., к общему тексту «Э.С.», стр. 21/6), – как в свете *обще-политизации*, так, безусловно, и *уни-филологизации*, – возвращения общества к Парламентарному состоянию его фундаментальной Конституционности. Конечно же, в исходной модели выводимое на примере архи-Британии, в оных корнях и устоях, этакое, тем не менее, в делаемых суждениях и выводах, основывается на использовании литературных трудов большинства, на сегодня, известных истории летописцев и хроникёров.

Сам же изъяснительный подход к проблеме Кельт-филологизации политичного общества весьма многосторонен: тогда, как, наравне с принятыми на сегодня понятиями существую-

щей Системы, раскрываются, соответственно, и архи-понятия Системы, восстающей пред нами из забвенного Языка, этикие последние, в канве каждой из отдельно-следующей глав, изображаются неоднократно и, всякий раз, под разным углом этимологического рассмотрения в свете той или иной социальной препозиции; одному архи-слову, в таком дискурсе, соответствует, затем, неск. его эволюционирующих значений, кои, однако, всё также, ещё подлежат прото-языку; и это, как если бы *подробный* (толковый, по всем степеням), сравнительно, тому же Камдену или нашему Далю, *античный Словарь*⁹ и, образом таким, запечатлевающий саму суть перехода от системы только смысловой прото-идентификации к системе уже архи-ценностей, т.е., по-сути, пра-этическое становление природной и социальной Сознательности, предполагающее всё последующее в нас представление и знание о *иерархии понятий в законах неписанных*, а иначе, если можно так выразиться, «Путь к Заповедям из Забвенного Небытия».

До сих пор, единственной мерой суждения о какой бы то ни было Человеческой истории является не иное, как свидетельство *былинное*: будь то в ряду мифов или басен. Так, именно, и начинается «Этимологический Словарь» – с изъяснения самой сути слова «*басня/былина*», что по смыслу относит внимание читателя к наиранным вехам зарождения самой *речи*, кое есть, как раз-таки, в Кельтском корне сего взятого, Европейски-выделенного слова. Переписанная на академически-образованный, школярский язык, Библия началась *бы* именно так – с изъяснительного утверждения превалирующего, перво-бытийного аспекта феноменализации речевого интеллекта. – Едва ли, однако, мы ещё знаем, чем само по себе слово и речь могут являться¹⁰, что сие физически, в материи, производит; с тем вместе, *научно-философское отношение к Истории*, как к процессу, на сегодня, всё более и чаще основывается на представлении *о её вероятности, предположенности*¹¹; – ко всему, этак, подобному, для своего века суждений, этимолог Клеланд, в числе начальных глав своего труда, делает ряд пробных штрихов, предполагающих мотивы направленности дальнейших изысканий, и это как если бы три ветви представлений: – о началах веры и зла (преступления); о взгляде на матримонию и отношения полов; и об обретении пространства. Вкупе сего данного, автор делает перво-ставленный смысловой акцент, именно, в соотношении корне-изыскания в последнем. В том, в Английской манере литературно-контекстуального намёка, так и в характере композиционного преподания глав, в сравнение всему архи-библейству и хро-нико-летописным истокам, Клеланд, изначально и очевидно, указывает на положенную необходимость раскрытия искомым этимологических основ именно в землях корневой культуры, и то не в известных правилах соотношения сего фактам только лишь исторически-культурной (до-христианской) иноземно-античной привязности. В манере и в контексте изложения находимого материала, Клеланд поочерёдно обращается к одной из сих ветвей, тем самым, достигая, по-возможности, наиболее объективного и цельного ракурса.

Итак, в ходе дальнейших глав, нам является общественно-обитанное пространство, или, сказать, архи-Область с устроенной в ней Системой Друидо-правления. (Если и есть пространства без людей, бывают ли когда люди без пространства?) В пространстве сей Области уже существует издавна сложившаяся, в законе архи-условностей, установленная Система отноше-

⁹ Если бы наш Русский Этимологический Словарь мог бы быть выполнен в манере более литературной, как та, что у Клеланда, и не столь сухо, и не столь вкратце касался бы контекстуальных нюансов, также, и эсхатологии, и истории, и естествознания! Аплодировать чтобы обеими стопами, или обоими ослиными, или даже слоновыми ушами – на то ещё оставался бы выбор, но чтобы не аплодировать вовсе – это уж ни в коем разе: оное сомнение ушло бы вместе, оттоль, с уже пережитой, сравнительно-юной (как то ещё на сегодня) эпохой Русской литературистики. – М. Гюбрис.

¹⁰ Да не обидятся на меня здесь те учёные, кто, подобно г-ну Тертъишному, пытаются ещё только изыскивать те или иные пути объективного исследования всех помыслимых, на сегодня, физических аспектов слово-воздействий, – да не обидятся за этакый сравнительный скептицизм. – М. Гюбрис.

¹¹ Здесь, к прим.: взять, этак, не столь давно сделанное признание великого материалиста совр-ти проф. Д. Хоукинга, или же, как нечто сему в очевидных контрастах, сходные соображения, допустим, Русского мыслителя нео-платоника Вл. Миклушевича. – М. Гюбрис.

ний, в которой превалирующее место отводится понятию общественной Справедливости, или Честного Суда. Представители Честного Круга, – заведомо ещё не доминантно-владыческой иерархии, – делятся на жрецов и генералов, первые из которых выполняют функцию законхранителей, а другие – законовершителей. Собираясь на вечевных сессиях, они *в обоих случаях* являются представителями Судейства – судейства духовного и мирского – и, с тем, адвокатура оних обращена как к авторитету Слова во имя Деяния, так и праведного Деяния во имя Слова. Сии две составляющие Человеческого Мирсогласия обоюдно взаимокомпенсируют одна другую, и, в целом, представляют собой велико-премонитивную связь между Словом и его предметно-деянным Смыслом, в сей совокупности образуя то, что, собственно, и называется «диалект» (обоюдосторонний Закон Слова). Этакий, первой правды, первой сути, Диалект, единственно, только и осуществляет, и удовлетворяет диалектическому смыслу осознанной репродукции общества в степенях смыслонаследия и законоприемства.

Всё, что демонстрирует нам последующая известно-запечатлённая в манускриптах История – это дисторция той связи исконного Диалекта и, тому соответственно, разрушение некогда идеальной Системы, и диструкция *негативно-диалектируемого* общества по смыслу утрачиваемого чувства Справедливости. Ибо этакое не закрепляется более в словах; за несоблюдением правил великой речевой Истины, оригинальные силлабы всё более оказываются в пагубной контрадикции друг другу, и оттого жизнь общества есть вечная распря; борются и воюют между собой не люди – воюют и спорят между собою сами слова (в том, и перво-смысловые анти-олигархические распри в Древних пра-демократических, пра-парламентских Афинах; в том, и все нынешние «войны слов» Яйценюка, или иные какие пр.); так Государство и превращается, из прежнего Аппарата Поощрения и Благоустройства в Аппарат Насилия, по вменённому новому смыслу Слова, некогда воспринимавшегося иначе. – Разрушенная диалектическая связь между Словом и предметно-деянным Смыслом превращает Судейско-Мирскую Систему только в Милитарно-Уставную (силовую). Далее – многие века пути возвращения к прежним понятиям; сама бессмертная исконно-радикальная суть слов, подсознательно и неотступно, стремится человечество к истине. – Древние корни, не взирая на временные деяния всех последующих негативных судейств (скажем, оттоль, *суждений*, т.е. судов, запечатлённых в изречениях) неумолимо ищут друг друга в своём речевом стремлении, ожидая *правильных* по себе сосложений.

Как раз, в таком, именно, ракурсе, пусть и весьма бегло, Клеланд изображает пред нами ипостаси проявления отдельных фрагментов исконной социальной Системы, на пути типичных смен историзированных формаций во всём пост-Друидистском миропространстве, – вплоть до того времени, когда Британская модель либерал-парламентаризма, находит своё известное конституционное воплощение. Олицетворённые эпохи (времен истории) в изображении Клеланда есть не иное, как разно-составленные радикал-силлабы, или, сказать, архи-слоги, а иначе *цепь прогрессирующих погрешностей и искажений* в термовом использовании таковых, согласно той или иной анти-Друидской, анти-Кельтской доминирующей контракции. В не малой своей половине, таковые просто-напросто изничтожались за подозрением, или же за явным знанием об их, для всего нового уклада и строя-государства, непреходящей опасности; остальные же, по сохранению за ними смысла всеобщности, весьма искажённым образом адаптировались под смыслоформы ново-изменённой лингво-социальной условности. Конечно же, особо-критической вехой, в таком разе, являлась экспансия Древнего Рима и, с тем, установление Христианства.

Впрочем, к сему сказанному, лингвистические слоги-деривации Клеланда преподают нам, можно так сказать, немалый повод к дальнейшим изумлениям. Последовательное разложение корневой структуры логоса, демонстрирующее нам новое представление об эпохах, скрытых в античных словах, ново-открываемый взгляд на смену оных эпох, в свете эволюции термовых понятий, изменяет также и представление о гео-пространственной истории

обществ цивилизации, изменяет представление о границах и о гео-нахождении даже фундаментально-известных в истории фактов. То, поистине примечательно, что и Рим (в лингво-исследовании фрагментов того же Плиния и пр.), и ранне-раннее Христианство, по-сути, являются как бы разделёнными и, в том, сугубо-деформированными ветвями одного и того же Кельтского Этимологического Древа, изошедши, этак, из разных сфер Великих Судейств и их Школ; к чему, таки, сия этимологическая линия свидетельствует в пользу, также, и до-Римского Христианизма в Британии. Лингвистически исследуемая Былинность раскрывает себя в свете всё больших загадок и открытий: тогда как только лишь из записанных устных преданий, едва ли способные это как-либо научно проверить, мы, дескать, наверняка знаем, что Рим основал Ромул, – сокровенные архи-силлабы, ко всей тогда для нас неожиданности, этак, вдруг утверждают, что оный Ромул был разве что реставратором прото-античного Рима: не его основателем, но реставратором Кельтского, некогда существовавшего там прежде, учёного града. В полуироничной же, полусерьёзной манере, встречно сему делаемое, беглое заявление (ЭС, «Парламентские мантии», 1-й абз.) об откровениях Христа, постигших оного, якобы, в «тех, как раз, Северо-Западных землях», способно поставить читателя в явно недоуменное положение. – Египетские монументальные реликты, возведённые, оказывается, древними Кельтами; Кельтские генералы в Персии; Кельтский Карфаген; Кельтская до-магометанская Аравия и Куираш; – всё это из ряда удивительных выводов, произвольных раскрытием канонів и степеней древней силлобизации в общем характере сравнительно-известной нам архи-именности. Даже и сами «боги», так и великие боги Древней Эллады, в корне сего слова, есть ни кто иные, как те же Кельтские генералы или же жрецы, как это в отношении и Античных Балака и Малоха¹², кои, просто-напросто, из рода древне-Кельтских каноников-дивов. – Не удивительно, что при всех таких соображениях и суждениях, труд Клеланда не встречал весьма большой приязни среди фримасонов своего времени, когда Египетски-Израильские столпы фримасонической авторитетной концепции подвергались им столь высокому сомнению; впрочем, иные могли бы видеть, в том, пожалуй, и повод к более основательной гордости.

И Иврит, и известный нам, как Эллинский, язык Гомера, есть радикальные производные того самого Вселенского прото-Языка, главный ключ к которому – в руках у кельтолога. Враз, в этаким свете, приходящий на ум диалог из «Кратила» Платона¹³, в касательстве «Илиады», весьма подходяще свидетельствует о том, что люди и «боги, дающие верные имена в природе вещей», именуют одну и ту же вещь по-разному. (Сократ.) К сему, в терминах слогостроения находимая разница между прото-Кельтским и тем *Гомеровым*, который доступен Европе, непосредственно, из лит. источника, вполне возможно (этак, по Клеланду) явившегося уже *продуктом пересказа или переписки*, опять-таки с языка пра-архаичного (*Кельтского*, также, корня!), – таковое, конечно же, оттоль устремляет перспективу всех предположимо-углублённых лингво-этимологических исследований в область, поистине, чего-то невероятного. – В целом, в отличии от Санскритически-Арийской линии, Клеланд изображает, предельно-контрастно, *Северно-Кельтскую линию* пути Великого Переселения и великих культурных охватов. Норманская линия, в том, не более, как одно из зауряднейших сему воследований. (К примеру, новейшие влиятельные альтер-теории истоков Гомеритства, как это, допустим, у того же «балтийца» Феличе Винчи, 1995, «Балтийские истоки эпических песен Гомера», и др., в добрую половину сходятся на рассмотрении концепции «северной диспозиции»; к чему, однако, изъяснение Клеландом самого слова «датч-ане», как *послужного имени* меньшего Кельт-Друидистского милитарного чина, скорее, может стать плюсом для Кельтийского

¹² Балак, имеется в виду Вавилоно-Ассирийский бож. Царь, из Торы. (и, также, соотносится в своей транскрипции, – как то у Павсания, – с именем Бэла.) – Малох, как это архи-транскрипционно произносится Клеландом, т.е. Молох – тот самый страшный Моавитский бог, пожиратель детей.

¹³ Известнейший, и сложнейший диалог Платона, излагающий Сократическое учение об именах.

преображения динамической теории Б. Г. Тилака¹⁴ - «The Arctic Home in Vedas», 1903; «Арктическая родина в ведах», пер. с англ. Н. Р. Гусевой. М., Гранд; Фаир-Пресс. 2001; – с тем, ведь, и античные Инды гласят о великих Северянах, и Кельтский Круг представляется быть в ряду наиболее древних сакральных смыслов и символов. – Сюда, сразу же хочется прибавить лингвистически-выводимую Клеландом гипотезу о знании древних Кельтов о шарообразном строении Земли. – ЭС, «Парламентские Мантии», стр. 62/48.)

Прошлые и современные академические исследования вполне аргументированно свидетельствуют о фактах, в той или иной части, сделанной переписки литературной Истории Общества и Государств; ко всем же поздним версиям о факте всеобщей таковой фальсификации, факте абсолютно-сознательной переделки исторического Знания, – как это, к прим., у тех же уважаемых профессоров Фоменко и Носовского в России, – Джон Клеланд, при всей актуальной аргументальности всего соответствующего литерационного подхода, предуготовляет нас, со своей стороны, (ещё) по изъяснению перво-предшествующей сему и не менее *умышленно-сделанной* «пересказке Истории», или фальшь-ретрансляции в переводах Архи-Знания. Именно с такой позиции, в изложении сути дисторсии исконного *Диалекта*, его труд, в своём роде, объясняет перво-причину всей той нравственно-этимологической *дуальности* в людском мире, каковая издавна была принципом воззрений многих эзотеристов-герметиков: – именно так подменяются понятия в смысловых корнях Добра и Зла, где Дьявол, в Князьях Мира сего и, с тем, его *Оговора* [Diaboli, Columny], оказывается как раз таки в каждой из Колонн [Column], будь этак Храма или же Колонно-Тронного Зала, или же Дворца Съездов. (Не даром ЭС, следом за Былиной, изъясняет Дьявола.) – Но та исконная Справедливость, понятие коей, вместе с восстановлением архи-силлабической системы Вселенского прото-языка, выводит для нас Клеланд, – она архи-диалектическая Правда показывает, что Злу в *Друидизме отказано в месте*, в том характере бытийства, где только есть Суд и Школа, и сама суть Веры в Закон есть ничто иное, как Образованный Дух (Educated Spirit), т.е. доброе, или совершенное Знание Образа, или Круга. Архи-Друид, в роли Великого Судьи (Див, или Маг), действительно, судил *по злу*, т.е. по выявленному «неверию» или, практически сказать, по нарушению, в ряду актов, той связи, что между Словом и его предметно-деянным Смыслом (в отношении отдельного лица и его общества), но оный заведомо судил *оправдательно*, т.е. изыскивая ту степень *добра*, каковая могла бы быть присуща поступку осуждаемого, и в том никогда, и не под каким предлогом, не смея оправдывать само свершённое зло. (Что доброго, какая угода, заслуга – и есть ли таковая, вообще – в том, что он совершил? Что бы он ни совершил.) Так, если взять наших нынешних адвокатов «наиболее справедливой Судейской системы в мире», то разве что наиболее выдающиеся из них способны вполне определённо использовать известную формулу: – «Я ни в коем разе не оправдываю тот поступок, который совершил подсудимый...», и, однако, ещё ни Резники, ни Кучерены, или, взять, уровня пусть будет, этак, и более превосходного, мастера адвокатуры едва ли в силах не воззвать к тем самым пресловутым *смягчающим обстоятельствам*, каковые, дескать, должны оправдывать..., alas, свершённое зло. Т.е., изначально, в этической своей основе, аспект оправдания Зла, на сегодня, повсеместно (и уж верно, не только в России) превалирует в Суде, коего-таки первоявленная суть – это *изыскание и, с тем, возвеличивание Добра*. Изыскание Добра к его утверждённому приоритету, совершенно обратно изысканию Зла к оного уменьшению, или смягчению – таковой была мера истинной правоты в Архи-Судье Друидов; таковым было всецело-этическое направление развития Общества; – на уровне же сравнительно-подобных практик общей Юстициарной Системы, это могло бы, по меньшей мере, означать замещение всех тех сегодняшних законо-

¹⁴ Bal Gangadhar Tilak (23 июля 1856 – 1 августа 1920), Индийский полит. и общ. деятель, лидер борьбы за Индо-независимость, гуру-учитель М. Ганди; автор историко-филологических исследований текстов Ригведы.

дательно-юридических формулировок «Не в ущерб», на то, что не иначе, как «Во благо».¹⁵ Во благо – и поощрение, во благо – и наказание. И, этак, и в самом наказании – не менее, благо.

Нечто подобное, по всему соответствию тому, чему наш гуманизируемый юстициарный принцип, на сегодня, противостоит в идее приуменьшения, или смягчения искомого зла, было практикуемо в позднее сложившейся милитарно-Христианской Папской Европе, когда самые суровые наказания и мучения, спосылаемые инквизицией, провозглашались быть, дескать, на благо и во спасение мучимых и терзаемых. Но таковое явилось, как раз-таки, следствием тех самых *псевдо*-диалектических казусов, каковые, со многой этимологической убедительностью, изобличает метод Клеланда. Коль скоро само слово «религия», по его ретривируемому смыслу, возникло по причастности, именно, т.н. «порочному кругу» – [*очерченному* кругу арестуемых; *чёртову* кругу?], т.е. кругу обвиняемых, если ещё не вполне осуждённых (ЭС, «Маг», стр. 95/81), то Друидист-Кельтолог, а с ним и сам Дух Прото-Диалекта, по воле *зла* исторически-общественных смен, оказывающийся вдруг в необходимости ответствовать всем вокруг «суевериям», т.е., собственно, всем *предосудительно-делаемым обвинениям* по вменяемой неправоте, просто не может не обращаться к смыслам, предстоящим этаким диалектической несправедливости. Сие, по раскрытию и разложению структурной синкретической связи в тексте, в особенности, позволяет Клеланду сделать вполне определённый этимологический вывод о Евангелической пра-истории: здесь, этак и то, что дошедшие до нас Евангелия есть всё, суть, знание исконне Кельтского истока, – переведённое, а после, быть может, и не раз переписанное, – и кое всё, также, представляет собой лишь малую часть из того, что было претворено в дошедших до нас описанных былинах (*habul – bible* (?); былина – библия) о Жизни и Пути Слова в истории Круга от момента зарождения Речи. (ЭС, «Конвенты») [Вначале – Слово; Христос – Слово; и т.д.]

Этакие ретривационные пробы, аж и по первому взгляду, заметно преображают не только, подчас, доселе устоявшийся смысл эзотерического и эклезиастического Христианского учения, но, также, способны предстать своего рода артефактом более научно-образованной парадигмы, составлявшей основу всего, в переложениях дошедшего до нас, Знания. – Слишком фантастичным было бы представить такое, чтобы Древние Кельты могли б всерьёз обладать сведениями об атомно-молекулярной структуре материи, или знать об оптических свойствах воздуха и атмосферы, и т. п. пр., кое, по восстановлению архи-силлабов, внезапно вдруг открывается в ряду некоторых метафор и аллегорий из Священных текстов; – легче, таки, допустить мысль о том, что оние архи-терминации, по сохранению их в транспонированной форме в азах всех последующих учёных языков, продолжали нести свою ключевую функцию, – если и подсознательно, и интуитивно, всё же, в том, не менее парадигмично в отношении процесса Вселенского миропознания. – В категорично-эволюционном свете уни-лингвистического перехода, обще-сформулированный Клеландом Кельт-Эллинизм, способный демонстрировать всё же какой-никакой, но учёный задаток библианства (сравнительно скрытому в нём Архи-Кельтийскому сверх-логическому коду Системы Цивилизации), в раскрытой структуре используемых метафор и переданных аллегорий, существенно обнаруживает, и по сегодня, единственно-намеченное направление развития всей современно-научной парадигмы: не потому ли всякая предвестная образность в сакральной Библиистике является в своём роде директивой для всех последующих материально-делаемых открытий?...

Если говорить о России, сходный в идее процесс ретривации своекультурного до-Христианского Знания, в исконной задаче реабилитации различаемых этимологических первоисточков, на сегодня, делается всё более тенденциозно-выраженным в средах альтеритствующих

¹⁵ О развитии этой мысли, применительно современному обществу, читатель может полюбопытствовать из моих иных сочинений, – в частности, из статей: «Об альтернативных наказаниях в России», 2013, «Человек Свобод и его Государство», 2014, «О законах Государства», 2015, и др.

учёных-славянистов, как это в случае амбициозно-развиваемой теории Арийско-Славянской Расы. «Славяно-Арийские Веды», поныне находящиеся под угрожающим прессом цензурной критики, «Велесова Книга»¹⁶ и пр., – из тех, что в исследованиях смелых филологов и толкователей, способны нести в себе, также, некоторого рода синкретический код к представлению о вероятном до-Христианском, и много обширнейшем, масштабе миропознания Вселенной древними Русами, – сии источники, так или иначе, говорят во свидетельство неотъемлемого архи-контакта двух Античайших цивилизаций – пра-Славянской и Эллинской. При всём том издавно-основательном споре между Западниками и Русофилами, – и да не к чести, сказать, антагонистов-хулителей историзируемой ныне Ведической литературы, каковую, при всей моей а-санскритической позиции, Я нахожу необходимым сохранять в непрерываемых правах национального культурного наследия, – при всём оном, здесь это так, что единственным объективным выводом о лингво-этимологическом сопереесечении (пусть и невольном, пусть и архи-конфликтном) сиих древнейших культур будет мысль о неизбежном явлении Русс-Эллинизма, и если то в соотнесении теории Клеланда – то Кельтрусского Эллинизма.¹⁷ Сие, как раз, из рода важности, в неумолчании нового интереса к Кельтологии и прото-Кельтологии в России.

Великий ратоборец Русской самоидентичности, Гедеонов¹⁸, первый из всех, сумевший научно опротестовать дотоль неоспоримую в Европе теорию инородно-западного происхождения Русов и, с тем, стало быть, изначальной самонедостаточности Русского корня и смысла, способен, аж и до сих пор, сколько-то смущать тех же, взять, и «про-арийствующих» историков, и санскрит-этимологов, и, особенно, в своих первоисходных аргументациях по всей архи-значимой т.н. «двое-русскости», что полагает своего рода «двукорневой генеологический раздел». Та подмеченная эсхатологическая дилемма, с которой начинается его исследование: – те самые, известные первоисточникам, бородые и, одновременно, безбородые Славяне-язычники; длинноволосые и, также, обритые; приверженцы захоронений, а иные – погребальных костров, &c; – все оние контрадикции, в изыскомом быть веским доводе исконного разделения между Викингами-нормадцами и более древними из Русов, кои им, Гедеоновым, в сравнительном обличении предмета, были быстро оставлены: – при заведомом генеологическом выделении «одного из двух», о чём ещё это может свидетельствовать – (так, и ко всей нынешней теории Великого Арийского Переселения; так, и ко всем Влесовым откровениям об Эллинской Экспансии, с другой стороны) – о чём, если не о том, что Русов *непереселенных*, (да и Русов ли, вообще?) как таковых, опять-таки, как если бы не существовало в Истории, в мифической даже истории сего *Русским названного Пространства*?! Если бы Гедеонов, в первые годы его 20-го века, мог бы знать о трудах середины 18 века Клеланда! Несомненно, что уж ни чуть ни меньшим прозрением этакое предстало бы тогда для унитарной науки, чем то, как если бы Кле-

¹⁶ «Влесова Книга», продукт т.н. докириллической письменности, от момента нахождения дощечек в 1919г, и первых апробаций в 50-х гг. XXв, доселе напрочь отвергаемая академистами, как предмет культурной фальсификации, на сегодня, делается всё более апробируемым материалом к научно-историческому оправданию его (фактической) оригинальности.

¹⁷ Сам Клеланд, следуя своему принципу, соотносит слово «Русский» с фонетизмом в ряду «Этруски», с одной стороны; с другой – имя «Русский» в соотнесении Скифско-Эллинской формы использования «Русс», в касательстве смысла одного из «Северу» отнесённых/причастных пеласгов, т.е., попросту, (всякого) северянина, сошедшего с возвышенности (ЭС, «Пеласги», ориг. стр.199), кое, уже только как производный Скиф-Эллинизм, означает потом «красный человек» и соотносится следам истоков Феницианского феномена, или «Феникса» литерации. (Иллирий, от коего произошли Ильмеры, описываемые тем же Гедеоновым, был младшим VIII-м сыном Кадма Феницианского (Фениксианского?), мифического Эллинского изобретателя Человеческой письменности.) – Всё, что нам, оттоль, требуется – это деривативным путём выделить сам, непосредственно, архи-радик. корень т.н. «Русского первоостояния», что сколько-то могло бы соответствовать уже более Друидо-исконному, раннему Кельтскому или, пусть, Кельт-Эллинскому смыслу. – *Drus* (и, также, *Druid*), т.е. жрец(ы) Древа (Элл.), Я возьму на себя смелость соотнести деривации по Кельтскому принципу: – *D'Rus*. По всем сопоставлениям тому, что ещё в Клеландовом соч-нии «Путь от Слов к Вещам», ориг. стр. 44, возможно, так мы и сумеем выявить истинный чисто-Кельтрусский Друидистский смысл имени «Русс». – см., также, в сим тексте, Ст. 2, стр.46 – М. Гюбрис.

¹⁸ Гедеонов С. А. (1816—1878), историк, драматург, искусствовед. – Здесь имеется в виду его наиболее крупное сочинение «Варяги и Русь», 1876 г.

ланд, в касательстве Кельтрусского Эллинизма, и всего с тем Кельт-Скифского, этак и далее, более основательно мог бы опираться на данное ему Знание Влеса. Как же, однако, в описаниях той пресловутой «генеологической дилеммы раздела», от него могло ускользнуть простейшее-таки соображение, что *длинноволосые безбородые строители погребальных костров*, задолго до каких бы то ни было Генералов Датчан, являлись, попросту, древнейшими Гомеритами?!...

Чрез тьму веков глаз историка ещё не зрит; обнаружив предел наикритичного смысла *раздела*, он отталкивается от него, но оттого обращается... увы, ко времени менее отдалённому, т.е. позднему; однако, этимолог, в сим случае, просветляем Всевидающим Оком Логоса Универсума, – и это так, что, в идее Великого Вселенского Древа и его Корня, нам, *первобытийно и исходно*, делается доступна суть, скорее, Охвата, и только с тем уже – Перемещения. **Логос не существует без Локуса;** – *Слово есть в данности и в осуществлении Места, Пространства.* (Именно, это подчёркивает Клеланд в его, опять-таки, доселе ещё парадоксальной гипотезе о Майском Древе [May-Pole], или, сказать, Оси, а не то и Полюсе, как об этимологическом центре Системы Друидистских смыслоконструкций.) – Вы ли не находите, что, так и в беглом рассмотрении подхода Клеланда, Русская пра-история, впервые за всё время, (оттого) приобретает ту *свое-пространственную перво-исконность*, каковая, невзирая на ту или иную теорию Переселения, раскрывает нам, что *вовсе не обязательно откуда-то приходит, чтобы (в своих корнях) быть*: этак, чтобы быть Русским, вовсе не обязательно быть некогда Индусом, или чтобы быть Царём, уж точно, тогда, не обязательно быть Рюриковичем, – это ли не ново, это ли не примечательно?! Не примечательна, оттоль, разве, такая догадка, что Россия Влесова, времён архи-Гомеритских языковых действий – это, как раз, воплощённое пространство соединения прото-Кельтизма и Эллинизма, и прото-Кельтизма, в сим случае, не менее присущего Русам, чем то, что есть исконная причастность Кельт-Русизма к Вселенскому Прото-Языку людей Великого Северного Кольца? – К сему, в кратчайшей ремарке, со своей стороны, Я, разве лишь, добавлю такое, что, в касательстве общей теории Клеланда, едва ли можно усомниться в велико-вероятном корневом сходстве доброй половины архи-Русских радикал-силлабов с теми, кои деривативно-этимологически явлены здесь в Кельтском. Всё последующее – единственно, за теми лишь из неусыпных филологов, кто рискнёт уже более углубленно последовать предложенному методу слога-ретривации Клеланда и применить его детальнейше к Русской вокабулярной системе, в синхронизации обеих корневых структур и смысловых характеристик. (Иже, слова «Друг» и «Древность», до сих пор, по-разному этимологизируемые в наиболее апробированном авторитетном издании М. Фасмера¹⁹, или в ином, пусть, многотомном Шанского-Журавлёва, и пр. – *оттоль, единого корня, единого Великого Древа ветви.* – Druid (Celt.), Drewin, Drus (Hell.), D'Rus и т.д..²⁰ ...)

...Поистине, мы можем разве что только, философски прогнозировать характер и направление роста того, всё более актуальным и новым делающегося, интереса к Кельтизму во всём сегодняшнем мире Развитой Цивилизации, каковое всё было безусловно предвестовано, как раз-таки, этимологом Клеландом в ходе его теоретического изображения т.н. *неизбежного Велико-Кельтийского Возврата*. На фоне *Велико-Культурного* (Культ – Кельт) процесса Всемирной унификации Английского языка в свете и более натуральной и органичной эволюции корневого Дialecta в пространствах мега-культурной, социально-духовной и антропософической перспективы Науки и Знания, при всех, возможно, судьбоносных, отсель, сентиментах и эпатиях Кельтофицированного дискурса и толка, – для России, это не иначе, как

¹⁹ Максимилиан Романович Фасмер (1886—1962), немецкий языковед Русского происхождения, лексикограф, славист; автор «Этимологического Словаря Русского языка», 1938—1953, изд. в России в 1964—1973, наход. под действительной коррекцией РАН и поныне.

²⁰ J.Cleland, «The Way to Things by Words &c.», 1766, p.44. – с тем, и делаемый мною, в этом и в иных местах, небезосновательный вывод. – М. Гюбрис.

первейший повод, чтобы престать уж долее изолировать себя в той или иной идее происхождения, по этнографическому или этимологическому какому сомнению, и, в обретении натуральной связи по Слову Миросогласия и многотысячелетнего «*со-Друижества*», наконец-таки, разрешить дилемму противопоставления Запада Востоку на не разделённом, уж долее, в этических контрадикциях, Европейском Континенте. Не в очередь всем темпорально-амбициозным условностям, сие, очевидно, из ряда первоглавенствующих значений т.н. «Русской Миссии» (т. е. *Русского со-близнения*; или того, что в *Со-гласиях служения Кругу*).

Как бы тому не противостояли иные Христиански-Евангелические увещевания, всякий логофил-этимолог, так или иначе, делается футурологом образованного Слова, и во продолжении сочинения современной Истории Великого Диалекта, было бы крайне нелингвистично и неэтично, вкупе всему тому, что есть беспокойства и споры по национально-языковой привилегии и перспективе, не задаться вопросом о том, что есть *ненадуманное будущее* какого-либо взятого языка в их общем Вселенском семействе, по взгляду на процесс универсализации, в целом; – этак, в сим случае, Что же есть объективное будущее оттол, самого по себе Русского языка в массе всех других нынешних языков, и в отношении с Всемирно-главенствующим, на сегодня, Английским? – Конечно же, до бесконечного глупо было бы представлять когда-либо в обозримом будущем такое, чтобы внезапная какая случайность, из ряда эмпирически-планетарных сотрясений, могла бы вывести на более принципиальный уровень Русский Эпоним в степени, по меньшей мере, правербальной его всемирной экспансивности, что, впрочем, едва ли менее абсурдно иных предположений об уступлении Английским сего высокоутверждённого, диалектически-обусловленного Приоритета. – Истина, которой, вероятно, следует доверяться, такова, что эволюционирующий архи-Кельтийский Диалект, в процессе многовековой реабилитации своих исконных свойств, всё же сохраняет в себе, именно, **природу связи Добрых Начал**, кое, как было подмечено, всё более реструктабельно и во Всемирной юридической науке, и в политической, этак, и в общего масштаба философии и естествознании, и образом, не иначе, как в той самой Друидистской, некогда предстоящей всей Мирской этике, *предзапеванной способности к утверждению и возвеличиванию Добра*, добра в корне Слова; – вероятно, поэтому наиболее объективно и гуманно *прописанное и осуществляемое* Общество демократичных свойств, на сегодня, непременно Кельтологично. (Сколь сам взгляд на демократизацию, приоритет отношений и права человека отличаются в странах бедно-Кельтийского смыслообразования!) – В будущей перспективе, по взгляду на ход процесса натуральной «реставрации Вавилонской Башни», находясь в столь тесном со-существовании в общем планетарном миро-пространстве, мы не можем более заблуждаться по поводу тенденции обращения к Вселенскому Лого-Единению, или Нео-Космологизму, – мы не можем, в том, не признать, что Русский язык, в его теперешнем состоянии, будет только более инструктурироваться (или, иначе сказать, *инструктурироваться*, кое, в общем корне, касается смысла, непосредственно, «структуры») главенствующим, т.е. первоэтимологическим, в термах, Языком Универсального (академического) Знания и общего Толка. К сему, если в процессе дальнейшей лингво-диффузии, тот привязито-образованный школярский и светский Европеизм в России, – что ещё от Петра Великого есть не иное, как наперво-диконтрактируемая Клеландом Греко-Лат. или Масоно-Якобитск. производная от оригинального К.-Эллинизма (кой, в последнем, исходно, и подходит Кельт-Руссизму для фундаментально-аналитической деривации), – если это сможет быть сколько-то обогащено ново-ретривированными исконно Кельт-Русскими радикал-составляющими сентенциями, то да великое, в том, надеяние от меня на достойное тогда вхождение Русского в Новую Эру Вселенской Культуры Великого Логоса. – Вполне возможно, что люди, в Новом Языке, при разных Его наречиях, станут жить и общаться между разными народными странами также, как это, к примеру, между Кентом и Уэльсом, между Московской и, пусть, той же глухой Тверской областью, когда, произнося, морфо-

логически и фонетически, разные к слуху слова, они способны будут понимать друг друга без натуги и схизма.

Кельтологичен и путь к истокам Справедливости, кельтологичен и путь воссоединения с Природой. – Кельтологический «Ад» – сама по себе, разве, что «Школа» (ЭС, Конвенты, стр. 83/69), – весьма уверенно, по возвеличиванию (не менее, чем *эпонимического*) Добра, напоминает нам опять-таки, все те сократизмы из «Кратила», где «прекрасные слова» в знании «Аидасофиста» (Кр., 403e) «крепчайшей цепью» (Кр., 403c), «не по необходимости, но в желании сделаться лучше» (Кр., 403d) связывают всех туда ново-пришедших; и, к увещанию блаженного Сократа о том, чтоб *не изображали Аид тёмным, отвратным и страшным*, не видим ли мы, засим, как эта Школа – в веках, дескать, истемно-бездна и мрак, место жарких страданий, темница оттоль, тюрьма и сл. пр. – к сему дню, не иначе, как всё ж, ведь, общественно и «друидоподобно» светлеет. В «порочном, чёртовом кругу» преступивших – и учебно-институированные Европейские тюрьмы (как то, в особенности, в Испании), и исправление «не по мере бед и лишений»; и, более, с тем, Великая Парламентарная симметрия; и Деньги, всё более, в значении не иначе, как осуществляемого Долга Правящих Слуг пред их Законопоследователями (как то, возможно, уж вскоре в благодатной Швейцарии). (Кое всё – как всеобщая нравственная Система, в корнях основополагающих радикальных слого-понятий, где *какой бы то ни было "-изм» есть, прежде всего, род диалекта* – сексизм, политизм, артистизм, сциентизм (science) – принцип использования последующего ряда соотв. слов; манера/*manner*. – Не существует коммунизма без манеры быть коммунистом; не существует нигилизма без манеры быть нигилистом.) – Когда **Первый вопрос Социологии** «о первенстве ли Свободы, или же Власти» заведомо несёт ответ в себе, разве что, *в порядке расстановки сих двух определяющих слов*, – когда, вообще, сами по себе как-либо взятые слова, соотносимо *корню*, в этике Кельт-Друидизма, *сакральны* настолько, что заведомо преступившим, в принципе, посчитается всякий, кто, к примеру, *сакральному* слову «либерализм» станет приписывать какую бы то ни было укоризну, как это делают от века в пол-века у нас и поныне, пользуя ту или иную субъективную или терминально-временную оговорку, будь то предмет лиц или иных неверных мотиваций (когда б должны, скорее, изобличать коррумпированное несоответствие корневому смыслу, забыв, кто там передовой т.н. либерал, и какова политическая кондиция, на сегодня, сему соответствует²¹; – во всём оном, забудем ли мы, вдруг, и о том, что (Кр., 412b, C) «*в добре изумительнее всего проявилась природа*»? Природа – в натурально-эпонимированных смыслах её согласий, кои, как это ни странно, не менее натурально ведут *Партии принятых Слов* (*m.e. parts, части, т.е. радикал-силлабы*), этак, к наиболее каноническому энладжу, взять, той же эколо-гизации (Eikos {Гр.} – пристанище, дом; eikimena, обитаемое пр-во; – Eу-сomm'op {Кельт.-Брит.}, закон всесогласия), и здоровья; Природа – преисполненная абсолютно симфонического смысла, в чём не поелику ли феномен человеческой оральной поэзии, как канон *гласного звукоряда, звукоподбора* (а проще, рифма по гласным, или ко гласу), интуитивно обращён к этимологически-ретривируемому корню первых речевых звукоидентификаций; и, здесь, ко всему, что в характере этаких *радикальных* перспектив, будет ли странным соотнести скрытую музыкальную суть сей сакральной фонетики сферам сущих царств, параллельных человеческому, – так, как это в транскрипировании, к прим., речевой партии оратории, преображающейся в динамике уже мега-симфонического тона (как то, к прим., в пользовании лингво-муз. метода проф. Санкт-Петерб. Консерватории г-жи Рачковской) – и, этак, обнаруживая, в том, уже как если бы Охват в Охвате, новый метрический Исход, новую диалектическую фатальность? (Или, формулу судьбы?)

²¹ Ленин, критиковав «оппортунизм», в корне, грешил против «возможности», как таковой: *возможно, он бы более прозревал, если бы к менее превратно-субъективной сути сего, по меньшей мере, пытался бы выяснить, кто есть, дескать, «псевдо-возможник», во всестороннем смысле и в принципе.* – М. Гюбрис.

Зло же рождается не иначе, как в меру поощрения заблуждений; и главное из заблуждений (как это в избыточных примерах у Дж. Клеланда) – это, дескать, незначимость того, *что и как* язык произносит. – Чаще всё присталось думать так, что, дескать, этимология – это, вообще, такая наука, которой можно объяснить, в принципе, всё что угодно. (Как это, допустим, у того же современного авторитет-профессора друидолога Рональда Хаттона²², кто, к прим., ко всем друидологическим спорам по Шейкспиру, напрочь отрицает вероятность какого бы то ни было Друидо-Шейкспирства, с чем, впрочем, при всём уважении к сему мнению, можно и не согласиться, открыв, к прим., этак, главу из ЭС, посвящённую Дню Ивана Купалы, и не забыв, при этом, вспомнить Шейкспирову «Сон (в Ночь) на Ивана Купалу», т.е. совр., доселе, на Русск., «Сон в Летнюю Ночь».) Сколь, однако, сие «всё, что угодно» есть, в своей объяснимости, цельно и единозначимо, – это и есть аспект акцентированной диалектизации на уровне всеобщего миропознания.²³ – Этак, если способно думать, что единственные архи-свидетели прото-Бытия и Человеческого роста – представители животного, в особенности, и растительного царств²⁴, в генно-диалектической памяти разделённого звукогласия, сколько-то причастны идее Вселенского Интеллекта, – если способно, в том, предположить, (так и, при мысли о меньшей *корруптированности*, т.е. меньшей *ненатуральности* Древнего Вселенски-Примитивного Языка), что аспекты их настроения и поведения, в транскрипции их собственных и внешних звучаний, звуко-идентифицированы более к согласию с вокабулярной структурой прото-Кельтского радикал-силлабизма; – если взять к сему, также, все сверхновой-шие, *на прошлой неделе сделанные*, открытия *гравитационных волн*²⁵ и, следовательно, всех характерных, далее, гравитационных звуко-симметрий, то в вероятностном (детальном) синтезе раскрываемых модуляций не предстаёт ли пред нами идеальнейший феномен того Универсального Вещного Зеркала, кое способно явить нам живое олицетворение эволюционирующих Истоков Человеческого Образа, в топометрике лого-типических черт и свойств. Как то у животных, гласный звук коих, исходящий их сокрытой природной сути, есть, в своём роде, совокупность их физического строения, положения, настроения и характерного событийного предвестия, кое в свойствах физиогенетической отличительности никогда не может быть, по роду и лику, иным (физиогномия зайца, издающего ряд специфических голосовых звуков, особенно выражает его заячьи черты; кошке свойственны сугубо кошачьи; издавая же сходящий к подобию звук, по усилению физиогн. черт, они бы могли отдалённо сколько-то напоминать друг друга), – будет ли чрезмерно варварски, засим, этак, попытаться вывести представление о неперменной *антропо-логической* (т.е., буквально, «человекословной»), антропос-логос) связи искомого Прото-Диалекта с обликом Разумного Существа, преобразуемого изнутри своей сути (инсайдаут) посредством мысле-образующего Архи-Силлаба? И, кое было бы уже как сверх-антропософического масштаба и смысла **явление облика прото-Расы из Языка?** – Найдётся ли сомнение в ком-либо из скептиков о некоей очевидной зависимости топонимики активных

²² Ronald Hutton, Британский проф. истории Бристольского Университета, оксфордец, крупный авторитет в области совр. Друидологии; автор более 10 книг, среди которых весьма известна «Ведьмы, Друиды и Король Артур», Humbledon and London, 2003, коя есть, в своём роде, практическое начало всех его последующих главенствующих интересов в Друидизме. – С 2000 г., весьма видная фигура на фестивалях Друидологических чтений The Mount Haemus в Британии.

²³ Здесь, к известным скептицизмам, касательно перво-привилегии лингво-гуманитарных наук в профилизации дел Академии, обратно, Я скорее бы видел Президента РАН в первых этимологах страны, да и кому ещё быть, если не ему, – если и не самому Президенту РФ, также, слишком занятому в его бойцовски-генеральных хлопотах, и, увы, не Архимандриту, остающемуся лишь на подпевках позднему Лат-Грецизму. – М. Гюбрис.

²⁴ Научно-установленный факт о способности цветов и иных крупных растений реагировать, в своём цикле, на проявление внешних музыкально-речевых воздействий, думается, вскоре уже сможет быть раскрыт, так, и в более общей научно-исследовательской теории, обещающей расцвести в мире, подобно ещё одному сенсационному откровению.

²⁵ Т.н. гравитационные волны (т. ск. «рябь» в ткани пространства-времени), предсказанные А. Эйнштейном, в 1916 г., ныне, сто лет тому спустя, были официально открыты в их существовании, 11 февраля 2016 г. Дата судьбоноснейшая для всей физики Будущего (!), отсель, способного быть преисполненным всех непредуганных прозрений и открытий. – Кстати, диапазон улавливаемых гравитационных волн совпадает с диапазоном человеческого уха...

черт лица от манеры и способа говорить? Живые примеры расовых физиогномических отличий, к моменту популяционной гео-интеграции, подчас, вполне показательны: сколь легко заметить, как *приобретаемая* манера, так и в одном лишь поколении, пусть и при сохранении пигментации и физиогенетической специфики, изменяет облик переселенца: – изменение манерной осанки, в особенности, в лингво-образованной среде, способно влиять на выразительное поведение головы и шеи, а, с тем и мимическую функциональность подбородка, бровей, лобных мышц, линий лицевого оскала и пр., кое всё в поколениях, уже наследных, весьма типично изменяет и физиогномику *врождённых* черт; – язык, вживающийся во внутреннее естество логоносителя, есть, также, приобретаемая способность предориентировать эмоцию, с тем, иже способность к тому или иному восприятию предмета лого-сигнала или явления извне: именно так мимическая и рефлекторная манера делается более соотносима *препозиционной* системе Дialecta; – засим, вкупе всего подобн. пр., будет ли чрезвычайно абсурдно попытаться более основательно аргументировать *Гипотезу о том, что именно Слово, с момента зарождения Речи, в сим данном случае, на ветвистых путях исследуемой здесь «Кельтиады»,* (конечно же, не исключая, в том, влияние климатически-природных и гео-физических условий), *произвело те, во-многом, существенные расовые физиогномические и, в определённой степени, физиогенетические различия, кои мы находим ныне, и, так, по взгляду на разделение соответствующих им языков, или, сказать, всех универ-производных диалектов от Языка Прото-Вселенского?...* (Здесь, ныне оставим, пока-что, вероятностно-преобъёмное «пра-Кельтское» продолжение сей судьбоноснейшей темы для изложения её уже на отдельных страницах...)

...Возвращаясь к «Этимологическому Словарю», и в завершение сего эссе, должно, конечно же, заметить, что подход ко всем предложенным здесь идеям и соображениям требует по себе непрременной этичности. Именно эту, как раз, этичность, в зрелом понимании возможных видов на судьбу своего великого предприятия, и находит в себе Джон Клеланд. Ко всем тем не единично делаемым выводам, грозящим вырасти в иную какую умозрительную публичную амбицию по поводу того или иного рода поощряемой, в учениях, необъективности, едва ли можно уличить сего автора в т.н. литературном ханжестве и беспардонстве: едва ли многим убедительнее будет выглядеть чьё-либо извинение в воздержании от сколько-то навязываемого мнения, нежели то у Клеланда. Разносторонне обрисовать предмет, обозначить ту или иную дилемму различаемого смысла, наметить характер того или иного вида дискурса, и так, чтобы, в конце концов, вверить сие «*на суд*» самого читателя – это, в особенности, отличительно в литературистике сего пера. Так, к примеру, в сравнении прочим из своих учёных современников, как то, взять, к примеру, того же велико-несдержанного в науках и практиках Роуланда Джонса, утопически стоящего за Кельтскую *безотносительную* прерогативу «во всех речах на Земле»²⁶, автор «Этимологического Словаря» выбирает более лояльную позицию, скорее сказать, *диалектист-эволюционера*, в том, единственно лишь, фатализируя шанс тот, что Кельтологическая радикальная основа, исконне, сохраняет *главные* ключи к постижению Языка, если так сказать, *Допотопного*, предстоящего всем «Вавилонским Схизмам». Также, весьма честно то, когда, в отношении предмета сочинения, литератор не раз сообщает о возможной, в моментах, небезупречности сего труда, и, однако, вряд ли когда можно не согласиться с той его мастерской мыслью, что, *вернее всего прочего, по возведению Здания, выйдет, пожалуй, позаботиться о строении всеобщего каркаса, нежели об отдельных лишь фрагментах кладки;* не однократно напоминая о принципиальной сути самого названия этой вещи, заведомо, как «Пробного Образца Э. С. &с.», самокритичный Клеланд, конечно же, не может не предвествовать, в том, существенные виды на потенциальное, и не беспочвенное, сего воспоследование. –

²⁶ Rowland Jones ((1722—1774), Уэльский адвокат и филолог, пропагандист радикальных лингвистических взглядов; во 2-й пол. 18 в, автор ряда книг по Уэльсологии и Кельтизму.

(Кстати, ко всем ненадуманым, здесь, предвестиям и предвидениям Клеланда: – весьма любопытно то, как, задолго до определения истинного возраста Стоунгенджа, ко времени автора, оные развалины фактически датировались в возрасте не старше, чем 1500—2000 лет до Н.Э., тогда, как сам литератор, в иллюстрировании сих и пр. Друидистских реликтов, откуда-то брал датировку, соответствующую всем нашим нынешним исследованиям, т.е. около шести, а то и восьми (если то, в особенности, в случае остр. Англисей) тыс. лет до Н. Э. Сие и странно, и удивительно; впрочем, у нас нет особенных сведений об истоках сего Клеландова прозрения.)

...Ко всему, много сказанному здесь, в заключении, стоит, пожалуй, привести одну из наиболее характерных, на мой взгляд, цитат из сего публикуемого труда. – Глубокосознательный тон в голосе просвещённого школяра, – этакая его безусловная дарственность ума, не заблуждающегося и не секундного, кто обращается к нам как если бы с самых первых «Ноевых высот» кармического признания и такта: – *«Столь истинно ко всему то, что события из самых давних времён зачастую способны оказывать влияние, относясь жизням поколений наипозднейших; вещи человеческие складываются в долгую-долгую цепь, в которой две крайние точки ни чуть не меньше единосвязаны на своём продолженном пути, будь оные в тенетах смыслов, аж и едва ли в том различимых.»* (ЭС, «Маг», стр. 94/80) – столь, в раз признательно, и вкрадчиво, и вниманно, так и чрез 250 лет после своей первой публикации, ко всем предстоящим, оттоль, упованиям, ажитациям и логоисходам в его Всеевропейски-читающей аудитории обращается сей пронизательный, эlegantнейший литератор. Литератор, в полном – *буквальном и либеральном*, – смысле Слова.²⁷

М. Гюбрис.

Things throw the light on words, and words on things.

Вещи проясняют суть слов, а слова – вещей.

(цитата с Tit. Листа прижизненного издания 1768 г.)

«СТИРАЮТСЯ В ПЫЛЬ ГОРОДА»

*Стираются в пыль тропы, города,
И памяти реликтам прочат срок;
Сожжённые вновь грабят архивы,
И бессвидетельно больны года,
По дипломатам Зла где мёртв упрёк,
И эталоны где границ столь лживы;*

*Стираются понятия от дня,
Как кодекс права в прежних формулярах;*

²⁷ Соотнесение корню слова «свобода», или, правильнее будет сказать, «вольность» (*liberty, liberal*), применительно Лат. слову «литератор», делается заметно в Англ. языке, начиная с 13 в НЭ, когда помимо прямого значения в смысле писаний и письменности, это использовалось, также, и в плюрално-образном значении «свободного, вольного образования» (*liberal education*), – кое всё в любом совр. Этимол. Сл. Англ. Языка. – Заглядывая во Время, так, и дальние вспять, Я, пожалуй, не решусь высказать предположение, что как в манере Клеланда, вышло бы, непременно и однозначно, усматриваемая тогда прямая связь между словами «литера; буква» и словами «либерал, свободный -> щедрый, благородный (12 в) -> человек людей, или для людей (от *leudh*, арх.). Хоть это и так, что второе значение слова «letter», как «позволителя, произволителя, или пустителя» (даже, если в ином смысле, как «по-пустителя»), имеет свой корень в том самом архи-Английском слове «let» (*laetan*), которое в ряду разных смыслов, очень соотносится Русскому «пусть» («Пусть» – не может ли быть, как «Путь»?). ...Сие «let», в значении того, чему пусть быть, чтобы остаться, б.м., напомнит ещё о себе в свете всей архи-этимологической «буквальной вольности». – М. Гюбрис.

*Величию не быть уж в тех томах,
Вчера что мир свершили под себя,
А ныне в политических экземплярах,
Как рваные полотна в грусть-тонах.*

*Религии, теории наук;
Черты народов; календарь правлений; —
Вандал смешает всё, что ищет вех;
Дилеммы континентов, войн, мой друг,
Во свете всех безверных настроений,
С издёвкой где мир арбитрает смех.*

*«Так что же остаётся?» – молвят те, —
И дарят савану плач по культуре,
В примерах не восстановленных черт;
И лишь протофилолог-жизнь, во тьме,
В корнях, разнит, по своей текстуре,
Исповеданья лет на нечет-чет.*

М. Гюбрис, сент.2015; дача

Этимологический Словарь Клеланда

SPECIMEN
OF AN
ETIMOLOGICAL VOCABULARY,
OR,
ESSAY,
By means of the
ANALITIC METHOD,
TO
RETRIEVE the Antient CELTIC.

By the AUTHOR of a PAMPHLET entitled,
The WAY to THINGS by WORDS,
and to WORDS by THINGS.

Res verbis, & verba accendunt lumina rebus.
Things throw a light on words, and words on things.

L O N D O N:
Printed for L. DAVIS and C. REYMERS, in Holbourn,
Printers to the Royal Society. MDCCLXVIII.

ПРОБНЫЙ ОБРАЗЕЦ
Этимологического
Словаря,
или
Э С С Е
Ко смыслу
АНАЛИТИЧЕСКОГО МЕТОДА
По восстановлению
Древнего **КЕЛЬТСКОГО.**

Сочинённое Автором Памфлета, озаглавленного
**"ПУТЬ от СЛОВ к ВЕЩАМ
и от ВЕЩЕЙ к СЛОВАМ".**

---

*Res verbis, & verba accendunt lumina rebus.
Things throw the light on words, and words on things.*

LONDON:
Printed for L.Davis and C.Reymers, in Houlborn,
Printers to the Royal Society. MDCCLXVIII.

*Краткая библиографич. отметка к совр. изданию: перевод был начат 25.05.2015; 05:05.
М. Гюбрис.*

Адвертисмент

<стр. 3>

ПОСЛЕ моей публикации того слишком грубого эссе, кое «О Пути от Слов к Вещам, и от Вещей к Словам», Я воображал себя вполне избавленным от каких бы то ни было дальнейших соблазнов озадачить публику своими идеями в этаким филологическом направлении. Посчастливилось бы случиться и апробации сего стороною первопризнанных в литературе, – апробации, вопреки всем моим надеждам и ожиданиям; – оное таки никогда не искусило бы меня вновь заступить на сей жизненный путь. В застенчивости о собственной способности довести сие литературное предприятие до наиболее эффективного его осуществления, дабы вполне удовлетворить тем себя или общественность, Я заведомо отрёкся от всех мыслей о дальнейшем участии во всём этаким.

Некоторое время спустя в «Journal des Scavans» появилось два адвертисмента исследований примитивного вселенского языка.

Сия амбиция, с тем также, определённа отлична от моей по двум практическим, материально-обусловленным пунктам.

Первое в этом – то, что автор стилизует сие быть *вселенским*: хотя сам Я не смею утверждать, что Кельтский, – по меньшей мере настолько, насколько Я сам способен судить о том, так и от той точки, с которой Я начал своё новоисследование, – когда-либо являлся вселенски элементарным или, сказать, материнским. То доказуемо, что оный и от Греческого, и от Латыни, от большинства, если не сказать от всех языков Европы, частично Африки и двух Татарий; а сколь далеко корни его проникают аж и в более Южные регионы, Я даже не берусь выяснять. Но в том заглавии, кое (говорит) о *вселенском*, очевидно, конечно же, что этакое включает в себя и Кельтский.

<стр. 4>

Во-вторых. В тонах тех адвертисментов проявляется своего рода претензия к чести исполнения сего исследования. Но сие весьма много больше того, что сам Я, каким бы то ни было путём, могу допустить. То с удовольствием Я признаю, что обладаю тем направлением, на коем мне довелось преуспеть, а сколь превосходно в том, да будет судить остальным, и кое уже подмечалось не одним автором, кто особенно справедливо находил, в ракурсе всея аналитического метода, единственный пример подхода к различным взглядам на античность. Лейбниц, Штернбельм [Sternbielm] и весьма замысловатый и изобретательный Президент Де Брозе²⁸, вместе с многими другими, все известно рекомендовали сию импликацию языков, путём сокращения/обращения слов к их радикальным корням.

Даже сам по себе процесс анализа остаётся в основе тем же, и лишь только чуть более аутентически грамотным и раскрытым в правилах, этак, чтобы в продолжении сего быть воспринятым обобщённо и непротиворечиво; посему, у меня нет никакого права называть какую-либо вещь по своему предвзятому домыслу, в ряду собственных открытий, нежели как, разве что, в ряду новшеств её объяснения и применения, – о справедливости чего судить лишь читателю.

Потом, когда те адвертисменты появились в «Jornal des Scavans», искренней приязнью для меня было узнать, что, в вопросе, наиболее важном для литературы, излился-де свет много

---

²⁸ – Charles de Brosses, Граф де Турнель, Барон де Монтфалькон; 7 February 1709 – 7 May 1777, Французский писатель 18 века.

более великий и понятный, чем то, что допускал бы Я сам в предположениях, и не важно кем сделанных, но этак, обо всём, что для Публики, и, в том, единственно лишь ей на благо.

Но пока Я довольствовался, с совершенным прямодушием, о тех успехах, с коими кому-нибудь отсель да прибудет погружаться в исследования сего рода, мне предложили (к чему могу честно и непринуждённо заметить, что то не было моей собственной мыслью), оттоль как некоторые практические советы по восстановлению античного Кельтского или элементарного языка, таки, уже будут отточены мной, чтобы в том мне было б ещё пожертвовать собой и к утверждению всего, чем обоснована идея самого заглавия, и образом таким, каким оно здесь явлено к чести возыменения всех великих вкладов в мир литературы.²⁹

<стр. 5>

Сей аргумент, по мне весьма частного рода, предстал быть нисколько не меньшим грузом: едва ли когда Я бывал преисполнен всея глупейшей напраслиной в собственных мечтаниях, дескать, о таком, чтобы литературная честь нации когда-либо могла б аффектированно зависеть от успеха иль неудачи в сией моей амбиции о приоритетах исследования, – настолько, насколько мой вклад, вообще, может быть расценен как исследование, или скорее как поиск (путей восстановления).

Потом, этакое было уже в исключительном и чистейшем признании особенной не бесполезности, сравнительно всея эффекту на публике, когда единственно лишь из света воспротивления престижу, в дальнейшем, таковое побудило меня продолжить труд, каковому Я произволил быть опубликованным под ноткой супрессии. Со стороны, думается, было очевидно, что (античные) реликвии сей нации никак не смогут возыметь того предпочтения в иностранце, как нежели то во мне.

Но, в порядке основательного, эффективного исполнения, весьма убедительно возникла необходимость соотнесения смысла Публичного к природе сего предприятия. Сие никак не могло бы быть соделано без оформления более раскрытого материала пред судом (критики), нежели то содержалось в моём предызмышленном, грубоватом, неудобоусваиваемом (ранее-сочинённом) эссе. Я также посчитал вполне честным отнести сей предмет в сравнение предложениям Монс-ра Бриганта (Brigant), на кои ссылался прежде, и к сему, беспристрастно кои здесь присовокупляю.³⁰

В сиих видах, Я прибег к собственно-составленному сборнику, долгое время каковой создавался мною из подборки обоюдных иллюстраций слов и их смыслов, в идее их более упорядочить и придать им большую раскрытость, масштаб и экспансивность, ко случаю какой-либо публикации всея плана сего предложенного исследования. И, когда по воле времени вышло предоставить этакый материал ко вниманию судейства публики, Я убеждённо решился на то, чтобы на воспоследовавших сему листах поместить несколько предварительных образцов продукта моего этимологического плана.

<стр. 6>

Оный, также, едва ли столь помпезен, как у Монсеньора Бриганта, в обещанной своей универсальности; но настолько, насколько это, в особенности, более соотносится античности сей страны, вряд ли таковое может предстать тогда менее интересным. Сколь много, в этаком смысле, Я преуспел или предуготовил себе какую бы то ни было возможную почву, в том, чтоб

---

²⁹ – *Republic of letters*, мы принято понимаем, как «мир литературы; литературный мир» – может быть, также, как дословное «республика письменности», особенно, если мы думаем о том, что *re-c-публика* – это «пере-публикация».

³⁰ – *Издатель и гл. редактор «Journal des Scavans»*; см. ниже.

преуспеть, Я с радостью таки препоручаю подметить тем учёным мужам, кои наиболее компетентны в суждениях, – осведомлённые в достатке для опытного упреждения материала, в раз кои и благородны, и любопытны, и занимательны, а с тем, и весьма достойны того, чтобы всем этаким заниматься.

Я весьма далёк того, чтобы отрицать другие предметы любопытства в античности, так и истинную степень прочего вклада, и, в том, высшее оное достоинство. Восславить кабинет (или: академию) редчайшими медалями, оттисками of a Herennius, a Hostilian, a Balbinus, a Pupienus, a Pescinnius Niger, an Aquillia Severa the wife of an Heliogabalus, &c.; прояснить нечто невразумительное of a Carausius [?Гораций], a Minnasar, a Driantilla, &c.; или дополнить недостающие, эллиптически-расплывчатые или стёртые буквы в надписи на монументе некоего Римского Центуриона, или трибуна легиона, или даже некоего императорского дворового лакея, – в том вероятно найдётся, или лучше сказать, несомненно найдётся верная польза; правда, всё-таки несоизмеримо меньшая, чем то в попытке обнаружения основ нашей существующей структуры церкви и государства в веках, предшествовавших завоеванию сей страны Юлием Цезарем, чья всяко-отвратительная амбициозность, лишавшая его отдохновения в собственной стране по уничтожению в ней свободы, известно подстрекала его к повержению сего в нашей.

Если таки, Я повторяю вновь, Если Я не ошибаюсь в сим методе анализа слов путём индивидуации [выделения] им вменённых идей, слог за слогом, и чрез всякий партикуль [основные фундаментальные частицы слогов] в составляющих оных слов, что выражают те идеи, и кое прослеживается вплоть до исконного, первобытного истока единственно-различимого элементарного языка моносиллабических радикальных корней,

<стр. 7>

в значении коего, возможно, будет найдено существование вещей в их натуральных засвидетельствованиях и источниках, слов всеудовлетворяюще-объяснённых вполне настолько, чтобы оным было сообщить неопровержимые истины посредством импликации скрытого смысла; Я продолжаю, если Я не ошибаюсь в своём изложении сего метода, каковой сам по себе остаётся не контекстуальным³¹, то читатель найдёт, даже и в сих несовершенных набросках, некие принципиально-утверждённые взгляды, сопровождаемые вполне достаточной цепью объяснительных выводов для формирования многих центрических спектров; как-вые, простирая вокруг себя ясность, единожды враз изображают предметы и актуальными, и прошло-былинными, и, в последовательности, закономерными; с великой пользой, единят прошедшие века с временами действительными; и, в своей великой основательности, раскрывают вид на обычай и правила первоположенной важности, превалирующие и по сегодня, при всём безразличии или неведении в нас об оных великоблаготворных истоках/причинах.

Наверное, по началу, это выглядит слишком поспешно и неоправданно – сказать, что слова *Духовное* [Церковное; или как в Англ. orig. Ecclesiastical], *Епархия* [Diocese], *Декан* [или Настоятель; Dean], *Кардинал* [Cardinal], *Епископ* [Bishop], *Жрец* [Священник; Priest] и даже *Религия* [Religion] сами по себе, изначально, не означают совершенно ничего духовного (или спиритуального; spiritual): по сути, являясь в своих корнях всякого рода отождествлением судейства во времена те, когда закон абсолютно сочетался с божественностью, с помощью каковой оный был весьма и весьма возвеличен. Закон страны был также и её религией. Почитание, преклонение пред Божеством исходило из чувства справедливости, каковая, обратно сему,

³¹. – Это существенный вопрос сего подхода, коль скоро в материалистическом взгляде на вещи, если так, что мы находим некую не-контекстуальность в лингвистике и филологии, то мы неизбежно должны обратиться к истории и к её хронологии; и есть ли оное, также, в моменты, не контекстуально?

была этим же освящена и оправданна. Более сие оказывается проверенным – более верной и строгой истиной сие представляется быть.

Христианство, наследуя сей предрасположенной расстановке смыслов в вещах, в одолжении их величайшей ясности, отлучило в начале власть временных (мирских) судей, и его духовенство сформировало отдельный класс; однако, в то же время, этак и адаптируя отдельные имена из служб (функций) обряда [office] и моделируя их иерархию по титулам или правам того объединения (order) людей, коему они относились.

<стр. 8>

Но сию авторитетную утверждённую, от каковой, видимо, всея отреклись, *bona fide*, оние же были вынуждены и принять, и в великом масштабе сравнения, под давлением варваризма³² и пренебрежения, коему была подвергнута вся Европа в результате порабощения оной мечом, и, таким образом, люди в целом, аж и на большую половину, оказались на пути реставрации Мантии [Gown] в её нетронутой силе и власти. Великая и возвышенная истина сия, в свете коей все чудеса ко власти, с которой духовенство возвысилось над королями и императорами, и коя, со всей многотелной лицемерной, холодной приязнью, приписывалась всея-утончённости изошряющегося *священства* [жречества, *priestcraft*], исчезает и оставляет сие вкупе натуральных явлений.

Темнота оных веков не переживала эссенциальных, существенных различий, будь этаким соделаться между *судейской* [judiciary; отсюда – юри-ди-стика, «юдистика»] и *духовной* [spiritual] властью; обе из которых долго концентрировались в *одном* кругу людей, чьи ни чуть не меньшие функции весьма не на много-то отличались от того, когда закон и божественность, имея свои почтенные представительства, достаточно часто, должно быть, хоть этакое и необязательно, сочетались в одной персоне; также, и храмы Друидов одновременно являлись и церквями, и судилищами, или, как то к текущему моменту, священник прихода [жрец; *rector (of parish)* – ректор, или приходской священник³³, – в то же самое время, может являться и судьёй справедливости в мире.

Не удивительно, что Христианская иерархия столь неожиданно потом, под громкие одобрения люда, облачилась этаккой властью. Им было, воистину, презреть, нешто как в перво-статях, на brutальное, животное пренебрежение и деспотизм военщины тех времён. Потом, в добродетели укоренённых старинных предрассудков, в признании мантии, они должно быть позаимствовали гораздо больше власти, чем сами б могли утвердить, коль скоро многие, этак, судейские функции не оказывались несопоставимы с их утверждённым отречением от временного, мирского судейства. Было даже так, что некоторые властные обряды исполнения [offices] закона оставались в наследиях и в правах сей нации на долгие века после утверждения Христианства,

<стр. 9>

---

³² .– в ориг. *barbarism* – Я отношу это одному из определений лингв. формо-образований процесса, ибо мы заведомо, изначально, говорим здесь о словах, и только о словах.

³³ .– Сколь заметно, однако, удалось и извечно-всегда удаётся в России этакое различие! Должно быть, со времён Петра, или ЛжеДмитрия I, когда всё, что относится Русской науке и образованию, подлежит другому филологич. корню: кто когда-либо в России, пусть и наиболее духовной, помыслит сосравнить «учителя, педагога, преподавателя, ректора, директора» в корне искомого слова со «священником, жрецом» и т. д. Вот, они – две России: одна учится, а другая... слушает и ест. – от пер.

принятые и управляемые церковным высокопоставленным сановничеством, – в действительном смысле слова, эклезиастическим.³⁴

Христианская иерархия не скоро потом утратила весь тот судейский авторитет, и уж не настолько, конечно, насколько оный способна была возыметь, в последовании духовности: и даже к сему моменту выдерживая этакий в определённых сокрытых обстоятельствах, в большей или меньшей степени, в многих различных странах.

В чести особенных долженствований высоким принципам Христианства, потом было так, что наши короли, надолго скованные ужасом абсурда их военной политики в кампаниях, в целях собственной безопасности и во спасительное благо всея-утихомирения неизбывнейших в них жажд власти, были вынуждены, если можно так выразиться, к созданию дополнительного (по остающемуся пренебрежению обывателем) класса людей мантии, «рясников» [gownmen], в качестве судей и адвокатов (скромных), каковой счастливо существует и по сегодня: оттоль, и нисколько не прежде, истинная свобода [liberty] явилась миру ещё один раз, знаменуя новые политические горизонты. Закон и гражданское правительство изошли из хаоса, в который были погружены; и парламенты, продолжающие существовать при том даже, что утратили свои названия, превратились в советников, инспекторов-контролёров [в ориг. comptrollers (арх.)], судей и, по случаю, в слуг королей, коль того заслуживали; также, иногда в их льстецов, или кукол, чрез коррупцию или духовный блуд.

Конечно, этакий и множество других важных смыслов не могут изыскать по себе превеликую поддержку в свете лишь комбинирования известных фактов и исторических правд по удовлетворительному, разве что, объяснению слов и понятий, им относящихся, или являющихся только прописными хранителями таковых.

Если затем, в процессе разбора, подобном тому, что производился мной относительно утверждённых принципов, своевременно проведённых аналогий, и, нередко, бесспорных импликаций и выводов, Я следовал направлению когда-либо обозначавших путь, единственный путь, сокращения (слов) к основательному утверждению

<стр. 10>

тех смутных произвольных значений в этимологии, кои привнесли все оные справедливые упреки в ней, будучи *Eruditio ad Libitum*, – моё высшее надеянье тогда таково, чтобы по осуждению иных недостатков и ошибок в достижении своей цели, в идее восстановления многих ценных потерянных истин, и в преподании многих вульгарных неправильностей, Я бы мог встретить честное и беспристрастное толкование моих измышлений: к чему, в меньшем страхе обид, настолько, насколько Я не претендую разделить какую бы то ни было долю восчувствований в открытии сего аналитического метода, каковое моим не является, Я могу смело добавить, что оный (сей метод) хорошо оттоль разработан, очищен от химеры, особливо очищен от предрассудков или партократии/догмы [party], способен раскрыть столь искомый, столь желаемый порядок более справедливых идей, и, с тем, не зачинает собой безысходную эпоху в анналах литературы.

Также, нельзя сказать, что сия ретривация (восстановление) Кельтского элементарного языка абсолютно подходит для изучения какого-либо из последующих языков; но это должно, весьма... поспособствовать определённому пополнению всех или в каждом отдельном, и в степени равной, придать большей удовлетворяющей основательности тем, кои уже сему предотнесены.

---

³⁴ – ecclesiastical в совр. принятом пер. на Русск. – церковный; однако, само слово ecclesiastic относится к архаич.-библ. «Эклезиаству», а значит предстаёт быть «суетным».

Проникновенно, конечно же, то, чтобы в целях снискания сколько-либо предпочтительного мнения о методе, это должно быть обрисовано в более прагматическом, более грамматически-состоявшемся труде; и ко всем, сложившимся здесь быть оговоркам, смею повториться, что, в правах авторства и, также, по случившейся необходимости предрасположить Публику к природе и благоприязной выгоде этакого плана, к настоящему моменту, Я могу разве-что предложить, – так, и при всех неудобствах, за его несовершенством, – единственно лишь сей образец, упредметованный по краткому изложению того плана, применительно практике; какой, коль на то будет воля, готов отсель к публикации.

Между тем, Я весьма прошу читателя положительно довериться мне, в том, что не было с моей стороны ни халатности, ни бесчувственности обо всём непроверенном в этимологии, в этаких моих утверждениях, делаемых по различному поводу, касательно чего бы то ни было. Подчас таковое искушало, подчас следовало пути моих любопытств; но Я никогда не позволял себе ни малейшего в том послабления.

<стр. 11>

Ибо, это было бы не менее напрасно, чем занятие архитектурой воздушных замков.

Столь же равно и к возражениям и, также, в нарочитом желании оных, в строжайших экзаменациях стороною литературных мужей, кое ожидаю от них быть предпринятыми с особенным прямотушием, скажу, что мне нет ни какой причины страшиться того, что если найдут или не найдут они какую ошибку, (будь то к жесточайшим, ошибочным их предрассудкам), то, дескать, обратят всё к столь несправедливейшему, и, будет мне добавить, столь нелиберальному исходу, что подвергнут премногому бесчестию всея задумку моего плана. Всякий, весьма утвердительно, может находить, что это не в свойствах всея натуры, чтобы не пережить нескольких ошибок или некоей фрагментарной неустойчивости, кое к вопросу всецельности, дескать, больше, чем во всей основательно-выстроенной системе/конструкции, какую-де, этак, и один лишь дурной кирпич сокривит или, вынутый вон, обрушит всея здание наземь.

Осуждение труда не по общему взгляду на оный, не по вкладу, но по редким исключениям в нём, есть не иное, как скандал в критике и упущение для литературы: с тем, осуждению обесчестить никого другого, как разве лишь того, кто оное сам и сотворил.

Я не желал бы, чтоб сие было воспринято и так, что мне весьма необходим этот вступительный вызов против всеобщей нечестности или неверности. Ко всея самокритичности по себе, каковым не горячечно и решительно Я и был, презрев на иллюзии своего воображения, Я не смею изьявлять столь большую уверенность в собственных суждениях, подчас возможно ошибочных, также, об ignis fatuus ко свету абсолютных истин; в особенности, когда, заблуждённый фамильярностью звучания, соединённого с пребольшей схожестью смысла, Я слишком спешно относил тогда происхождение (корня), не являвшееся наиболее предпочтенным, силе искушения в признании онога наивернейшей предуготовленности, – искушения ко всему тому, что на этом филологическом пути не должно соотноситься вызывающей или всеобщей причине для ошибки. Потом, опытным путём, Я находил в том, в изобилии причин для всесерьёзной осторожности

<стр. 12>

(нет, не для тотального отчаянья по достигнутому контр-смыслу), с почти-что интуитивной ясностью во многих вещах исследования, убеждаясь в удовлетворительной их вероятности; кое, в действительности, есть самое большее из того, что можно отнести означенным пред-

положениям, в их природе не поддающихся положительному аргументированию или какой-либо математической демонстрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.